

The book cover features a dark, starry background with a complex, colorful illustration. At the top center is a winged skull with a yellow face and blue wings, surrounded by blue flowers and a pink star. Below this, the title 'НЕЗАБУДКА' is written in large, white, serif capital letters. To the left of the title is a crescent moon and an owl perched on a branch. To the right is a flock of white birds in flight. Below the title, the words 'НА ГРАНИЦЕ СВЕТА' are written in white, serif capital letters. At the bottom, a white ribbon banner contains the text 'Главное, не забудь меня...' in a black, handwritten-style font. The entire cover is framed by elaborate, swirling, multi-colored lines (pink, blue, green) and various small illustrations like a bat, a fox, and various plants.

КЕРСТИН ГИР

НЕЗАБУДКА

НА ГРАНИЦЕ
СВЕТА

Главное,

не забудь меня...

Незабудка. Трилогія

Керстин Гир

**Незабудка. Книга
1. На границе света**

«Робинс»

2021

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)

Гир К.

Незабудка. Книга 1. На границе света / К. Гир — «Робинс»,
2021 — (Незабудка. Трилогия)

ISBN 978-5-4366-0809-9

Что может быть общего между самым красивым и популярным парнем в школе и тихой, скромной девочкой из набожной семьи? Разве что в один прекрасный день всё перевернётся с ног на голову, и обычный немецкий городок наполнится феями, демонами, ожившими черепами и говорящими статуями.

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)

ISBN 978-5-4366-0809-9

© Гир К., 2021
© Робинс, 2021

Содержание

» 1 «	6
» 2 «	15
» 3 «	24
» 4 «	30
» 5 «	37
» 6 «	45
» 7 «	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Керстин Гир

Незабудка

Original published as: Kerstin Gier

«Vergissmeinnicht – Was man bei Licht nicht sehen kann»

Copyright © 2021 S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main

© ООО «Издательство Робинс», издание на русском языке, 2022

Для тех, кто может использовать немного магии прямо сейчас

» 1 « Квинн

– Один джин-тоник! Хотя нет, лучше два! («Кстати, оба стакана я заказал для себя».)

Я сегодня вечером совсем не планировал напиваться. Ведь я пообещал Лассе, что останусь до конца вечеринки и прослежу, чтобы после пивной рулетки никто не порывался разбирать мебель, чтобы никого не стошнило на ковёр или, как в прошлый раз, никто не заснул в кровати родителей Лассе.

Но планы ведь могут и измениться.

Сегодня я собирался расстаться со своей девушкой Лилли, а вместо этого приходилось разгуливать с браслетом «пупсик» на запястье. Мне срочно захотелось выпить чего-нибудь покрепче.

– Эй, куда лезешь, сейчас моя очередь! – Неожиданно откуда-то вынырнула девчонка и возмущённо уставилась на меня. Пока она меня рассматривала, её щёки порозовели. – Ах, это ты, Квинн, – пробормотала она.

Я тоже её узнал. Это была одна из дочерей наших глубоко религиозных соседей, жутких Мартинов, как называл их мой отец, «Наказание Господне».

Все девочки из семьи Мартинов выглядели совершенно одинаково – курносый нос, светлые кудряшки. Я никогда не различал их.

– А, это ты, Луиза, – наугад выпалил я, – вот уж не думал, что ты взяла привычку ошиваться на вечеринках, на которые тебя не звали, – и, повернувшись к бармену, добавил: – Можете смело приступать к моему заказу. У этого ангелочка даже приглашения нет.

Бармен улыбнулся, а Луиза покраснела ещё больше.

Лассе пригласил на своё восемнадцатилетие пятьдесят гостей, но в реальности их оказалось как минимум раза в два больше. Уже часам к десяти не осталось бы ни капли алкоголя, но, к счастью, дедушка и бабушка решили сделать Лассе сюрприз – и на вечеринке возник этот бар с коктейлями... и с настоящим барменом.

– Во-первых, меня зовут Матильда, а во-вторых, нас с Юли очень даже пригласили. Лассе собственной персоной, – сказала «Луиза». Точнее, как выяснилось, Матильда. Голос её немного дрожал, наверное, от ярости. – А мне, пожалуйста, коктейль «Кайпиринья».

Она попыталась улыбнуться бармену, но улыбка получилась довольно натянутой.

Зато моё настроение немного улучшилось. В нашем доме «позлить жутких Мартинов» уже давно превратилось в семейный вид спорта, причём в соревнованиях иногда участвовала даже моя миролюбивая мама.

– Сначала ввалиться на вечеринку без приглашения, а потом ещё и накачаться алкоголем. – Я озабоченно покачал головой. – Ты очень, очень разочаровала сегодня милостивого Господа, Луиза.

– Меня зовут Матильда, мерзкий, заносчивый ты... – Она внезапно замолчала, поджала губы, как будто подбирая слова.

Бармен начал смешивать напитки, но мне показалось, что он прислушивался к нашему разговору с большим интересом, наполняя стаканы дольками лайма и льдом.

– Ой-ой-ой, а теперь в ход пошли ещё и ругательства? – Музыка зазвучала громче, но девочка меня слышала, это точно. Мартинский курносый нос раздувался от ярости. – «Мерзкий, заносчивый...» Кто? Боишься, что на тебя обрушатся вечные проклятия, если договоришь до конца?

Она вперилась в меня, прищулив глаза от злости. Вдруг её блуждающий взгляд задержался на моём запястье:

– Мерзкий, заносчивый пупсик! – злорадно выпалила она.

Один – ноль в её пользу. Я резко вспомнил, почему, собственно, здесь оказался.

– Если быть точным, то куксик, – поправил я.

Браслет с такой надписью носила на своём запястье Лилли. А ещё она постоянно мне это повторяла – одна из причин наконец-то с ней расстаться. Чем я и собирался заняться сегодня вечером. Но насколько же это сложно! По крайней мере, будучи трезвым, да при этом не чувствовать себя подонком. Потому что – сюрприз! – выяснилось, что пупсик и куксик сегодня вместе ровно семьдесят пять дней! И это отличный повод подарить мне самодельный браслет и поклясться в любви до гроба.

Бармен протянул нам напитки. Виновато улыбнувшись ему, я залпом выпил свой первый за сегодняшний вечер джин-тоник, словно это была вода.

Значит, пупсик? Это она серьёзно? Неужели я когда-нибудь сболтнул нечто подобное? Если да, я вполне заслужил ещё семьдесят пять дней с Лилли и этот дурацкий браслет. В наказание. Ну почему я послушался своих родителей и, вместо того чтобы быстро и безболезненно расстаться с Лилли по телефону, решил сделать это лично? Тогда дело не дошло бы до торжественного вручения браслета. Но я оказался полным дураком и посвятил родителей в свои планы, потому что за последние два с половиной месяца они полюбили Лилли гораздо больше, чем моих предыдущих девушек. Мама просто радовалась, что в доме появилась девочка. Для неё все мои подруги были «очаровательными» и «трогательными». А путь к сердцу отца лежал через желудок: родители Лилли заведовали двумя магазинами деликатесов, и Лилли частенько приносила что-нибудь вкусненькое, когда заходила к нам.

– Это что же, значит, я никогда больше не получу карпаччо и ризотто с доставкой на дом?! Прощайте моё нежное печенье с корицей и шоколадные конфеты с лимонным сорбетом?! – воскликнул папа, когда наконец понял, что именно я затеял. – Такую восхитительную девочку ты в жизни не найдёшь, Квинн.

– Конечно найдёт, Альберт! – Мама смерила его строгим взглядом. – Возможно, у родителей его новой подруги будет свой тренажёрный зал, чтобы ты наконец сбросил жирок на животике.

Пока мой отец пристыженно уткнулся взглядом в свой округлый животик, мама повернулась ко мне и улыбнулась:

– Ты всё правильно делаешь, малыш. Следуй зову своего сердца. Но вот заканчивать отношения по телефону – это никуда не годится. Такие разговоры надо вести только при личной встрече.

– Сто процентов! – подтвердил папа. – Иначе она тебя возненавидит на всю оставшуюся жизнь! И ещё не забудь смело смотреть ей прямо в глаза.

Теперь придётся на это решиться, не разочаровывать же родителей.

Я отставил в сторону пустой стакан и потянулся ко второй порции джин-тоника.

«Наверное, было бы неплохо, чтобы перед моей попыткой номер два Лилли тоже чего-нибудь выпила». – С этой мыслью я прихватил и «Кайпириню». Мартинская дочка почти не притронулась к нему: слишком уж она сосредоточилась на сверлении меня гневным взглядом.

– Пожалуй, это я конфискую, Луиза, – сказал я. От возмущения она даже не нашла что ответить. – Ты же знаешь, что несовершеннолетним крепкие напитки нельзя.

Не дожидаясь её реакции, я стал пробираться к выходу, прокладывая себе путь через танцующую толпу. Стаканы я старался держать как можно выше над головой.

– Меня зовут Матильда, заносчивый ты... пупсик! – прокричала она мне вслед. – И тебе, между прочим, тоже нет восемнадцати!

– Тогда помолись как следует, чтобы меня не забросили в ад за плохое поведение! – через плечо проорал я в ответ.

– Будем надеяться, что такая просьба ещё вполне выполнима, – с издёвкой произнёс кто-то рядом со мной.

Я остановился как вкопанный.

Почти всех гостей на этой вечеринке я знал по школе или по паркуру, но девчонку, которая сейчас стояла передо мной, мне раньше видеть не приходилось. Если бы мы когда-нибудь встречались, я бы обязательно её запомнил. У этой девочки были короткие синие волосы, которые будто сияли в приглушённом свете вечеринки, маленькое серебряное колечко в носу и ещё одно в брови. Одета она была в обтягивающие чёрные джинсы, чёрный балахон с широким вырезом и тяжёлые ботинки на шнуровке, а глаза были щедро подведены чёрным карандашом. Для полноты картины не хватало только чего-нибудь вроде подвески с перевернутым крестом или татуировки 666. Тогда стереотипный образ можно было бы считать законченным. Несмотря на это, а может, как раз поэтому, она показалась мне довольно симпатичной. Наверное, она была на пару лет постарше меня, хотя, может, мне так показалось из-за яркого макияжа или уверенной осанки.

Незнакомка улыбнулась, обнажив ещё один пирсинг под верхней губой в виде маленького голубоватого поблёскивающего камушка. Затем она снова стала серьёзной. Торжественным тоном девушка произнесла:

– Хорошо, что я тебя нашла, Квинн Йонатан Юри Александр фон Аренсбург.

– Че-е-его? – пробормотал я.

«Откуда ей известно моё полное имя? Даже я сам его так быстро не произнесу».

Должен признаться, моя мама немного переборщила с количеством имён, поэтому я никогда не стремился особо афишировать их все. Если произносить моё полное имя медленно и нараспев, оно звучит мрачно и угрожающе, прямо как начало заклинания.

– Нам надо поговорить.

– Увы, сейчас я спешу. – Я машинально развёл руки над головой. («Мне срочно надо отнести эти два стакана моей бывшей, а ты на вид немного ненормальная, прости. Хотя...») – Мы знакомы?

– Меня зовут Ким. – Девочка быстро улыбнулась и снова стала серьёзной. – То, что я собираюсь рассказать тебе о тебе самом, наверное, покажется сначала полным сумасшествием. О твоём существовании нам стало известно совсем недавно.

– Вот оно что...

«Не немного ненормальная, а совершенно съехавшая с катушек», – мысленно дополнил я. Но оставить её вот так стоять посреди комнаты я не мог. Она действительно казалась очень симпатичной.

Её карие глаза сканировали меня с головы до ног.

– Это важно. Если мы тебя нашли, то и они смогут.

Тут я почувствовал, что меня дурачат:

– Они – это киллеры из тайной международной группировки, которые на прошлой неделе незаметно прикрепили мне к рюкзаку подслушивающее устройство, да? Или, возможно, они – это пришельцы с планеты Метида, с которой когда-то прилетел и я, сам об этом не подозревая, а теперь только я могу их спасти, потому что...

– Встречаемся через десять минут перед входом, – невозмутимо перебила меня синевласка. – А Метида, между прочим, это не планета, а один из спутников Юпитера. – С этими словами она развернулась и пошла прочь. Я проводил её растерянным взглядом. Незнакомка же прошла мимо бара и исчезла где-то в коридоре.

– Что это за красотка? – раздался за моей спиной голос Лассе, который неожиданно вынырнул из толпы и со всей дури хлопнул меня по плечу. – Старина, откуда она взялась?

– Вообще-то я хотел задать тебе тот же вопрос, чувак! Это ведь твоя вечеринка. Я надеялся, что она одна из твоих странных двоюродных сестриц или что-то вроде того. Её зовут Ким.

– Нет, моя странная двоюродная сестра вон там, около окна, и уже полчаса выковыривает жвачку из волос. А эту Ким я никогда раньше не видел, честное слово, – заверил меня Лассе. – Скорее всего, её привёл кто-то из паркурщиков.

– Она ждёт меня через десять минут у входа. Наверное, там нашлась парковка для её космического корабля.

– Круто! – Лассе начал так исступлённо трясти меня за плечи, что содержимое стаканов, которые я так бережно нёс, полилось на пол.

– И почему все девчонки липнут именно к тебе! Хотя ничего удивительного. Честно говоря, будь я другого пола, я бы тоже на тебя запал. – Он потянулся к одному из моих напитков и отхлебнул из стакана. – Ты только посмотри на себя. Такое сочетание несочетаемого – тело атлета и нежное детское личико с азиатскими чертами, эффектные чёрные волосы и невероятно голубые глаза, которые... – Он замолчал на полуслове. – Слушай, я уже сам себе кажусь влюблённой девчонкой. Ну вот честно, дружище, я так тебя люблю!

– Сколько ты сегодня выпил, Лассе? – Я нахмурился. В трезвом состоянии мой друг не отличался особой любвеобильностью. Хотя, что уж там, не каждый день тебе исполняется восемнадцать лет. В этот момент и я почувствовал, что выпитый джин-тоник начинает действовать. – И я тебя люблю, дружище! А эта синеволосая даже не в моём вкусе, она просто какая-то... ненормальная.

– Если бы ты оказался ненормальным, мне бы это ни капельки не помешало. – Он отхлебнул ещё немного коктейля.

– Слушай, Лассе, а ты знаешь моё полное имя? – спросил я.

– Конечно. Квинн Йохан Барон Покемон Граф Кокс фон Аренсбург. – Лассе расхохотался. – Или что-то в этом роде. Вдруг его взгляд упал на браслет. – Пуп... Вот чёрт, это ещё что такое? От Лилли? Эту чепуху надо обязательно снять до того, как встретишься с синеволосой. Это правда некруто!

– Оно не снимается, – мрачно пробормотал я.

Лилли закрепила кожаный шнурок тремя крепчайшими двойными узлами. Судя по всему, этот браслет будет болтаться у меня на руке ещё как минимум семьдесят пять долгих дней, а может, даже все семьдесят пять лет.

– Срочно нужны ножницы.

«Действительно, почему бы и нет».

– Но Лилли смертельно обидится, если я его разрежу.

«С другой стороны... когда я скажу ей, что между нами всё кончено, она всё равно обидится, а так хотя бы моя честь будет спасена. А может, Лилли так разозлится, когда увидит меня без браслета, что сама меня бросит. Тогда я одним ударом убил бы двух зайцев. То есть разрезал бы одними ножницами».

– На втором этаже, в ванной комнате, в ящичке под умывальником, – прочитал мои мысли Лассе. – Давай стаканы. Жду тебя здесь. – Он взял мой джин-тоник и тут же немного отхлебнул. – Ох, дружище, это лучшая вечеринка из всех, на которых я бывал. Нужно только быть начеку, чтобы на этот раз никто не испортил папе аквариум.

«Это уж точно».

После вечеринки, которую мы устроили на шестнадцатый день рождения Лассе, пришлось потратить целое состояние на замену рыбок в аквариуме, причём успеть это сделать до того, как родители Лассе вернутся из отпуска.

В поисках бирюзово-золотистых окуней, кольчужных сомов и сиамских водорослеедов нам пришлось прошерстить все зоомагазины города, и мне не хотелось повторять такое приключение.

– Буду через пару минут, – заверил я друга, даже не подозревая, что в следующий раз нам с Лассе доведётся увидеться очень нескоро.

* * *

На втором этаже стояла тишина. Я на всякий случай заглянул в спальню родителей Лассе – кровать пустовала, вечеринка пока не вышла за пределы первого этажа.

В этом году родители Лассе, как всегда, уехали в отпуск и оставили дом в распоряжение сына с одним условием – чтобы к их приезду всё выглядело так же, как и в день их отъезда. Как и мои родители, они не очень переживали по поводу очередной царапины на паркете, а вот запах сигарет, который висел в воздухе, въедаясь в ковры и занавески, мог ужасно их расстроить. Поэтому курильщики, поёживаясь от холода, грудились на веранде, но пока никто не жаловался.

Маникюрные ножницы, которые я нашёл в ванной, к сожалению, не были приспособлены для левши. Лилли повязала мне браслет вокруг правого запястья, поэтому прошла уйма времени, пока мне удалось перепилить кожаный шнурок. Сорванный браслет чуть было не полетел в мусорное ведро, но в последний момент я передумал и сунул его в карман штанов – вдруг Лилли захочет забрать своё произведение для очередного пупсика.

Но меня это уже мало интересовало. Окна ванной выходили на улицу, и мне не терпелось узнать, действительно ли синеволосяя Ким ждёт меня у входа. Я пока сомневался, принять ли её приглашение.

«Но откуда ей – в отличие от моего лучшего друга – знать все мои имена и что ей от меня нужно? “О твоём существовании нам стало известно совсем недавно”. Что она имела в виду?»

Из предосторожности я выключил свет, как можно тише открыл окно и перевесился через подоконник, чтобы разглядеть, что происходит под козырьком крыши. И да, я узнал её длинные ноги в чёрных ботинках. Кажется, она прислонилась к стене у двери. Ким стояла в одиночестве, поток гостей уже иссяк. Выражение её лица рассмотреть было невозможно, но она нетерпеливо постукивала пальцами. Кажется, она действительно хотела меня дождаться.

«Ладно, тогда спущусь. А с Лилли поговорю чуть позже».

Только я хотел закрыть окно и выйти из ванной, как от тени, отбрасываемой садовыми кустами, отделилась тёмная фигура и медленно проследовала по мощёной дорожке к входной двери. От любопытства я высунулся ещё дальше. Это был мужчина низкого роста, в пальто и шляпе. Возраст в тусклом свете фонаря я определить не смог, но шляпы такого фасона носят только старики, которые выгуливают в парке своих такс. Поэтому я предположил, что этот мужчина тоже немолод. К числу гостей он точно не принадлежал, а оказался здесь из-за Ким, которая, заметив его, резко выпрямилась.

– Вы здесь?! – испуганно выкрикнула она.

Мужчина остановился:

– Ты что, действительно думала, что мы тебя не заметим? На нашей территории?! И как ты только на такое осмелилась!

В его голосе слышались визгливые нотки. Даже до реакции синеволосой я понял, что никакой это не безобидный дедуля с таксой.

Ким попятилась на пару шагов, и теперь я смог увидеть её полностью. Казалось, старик застал девушку врасплох.

Незнакомцу такая реакция, судя по всему, пришлась по душе.

– Поздновато, деточка, – проговорил он, тихо посмеиваясь. – От нас так быстро ещё никто не убегал.

Ким огляделась по сторонам, будто ища путь к отступлению. Или того, кто сможет её защитить.

«Наркотики, – первое, что пришло мне на ум. – Синеволосяя причастна к распространению наркотиков и попала на том, что продавала их под носом у конкурентов».

Мужчина тем временем стал медленно приближаться:

– Сейчас ты мне всё расскажешь. Как ты это устроила? Кто за этим стоит? Кто ещё в этом замешан?..

– Уж лучше смерть, – тихо ответила Ким.

Незнакомец рассмеялся, теперь уже громко, но всё так же скрипуче и жутко:

– Такие пожелания мы выполняем с большим удовольствием и за меньшие провинности.

Но сначала неплохо бы-ло бы пообщаться. Хотя это можно сделать уже в процессе.

Девушка отпрыгнула в сторону, чтобы проверить скорость реакции своего противника. Тот щёлкнул пальцами. Вдруг послышался жуткий рык. Я не мог понять, откуда он исходит, но от этого звука волосы вставали дыбом.

«Я правильно понял, этот дедуля только что зарычал?»

Услышав эти жуткие звуки, Ким остановилась как вкопанная.

– Вы не можете ничего со мной сделать, – пробормотала она. – Это привлечёт слишком много внимания. К тому же... у меня есть улики, которые в случае моей смерти всплывут наружу. Видео...

Это заявление незнакомца не впечатлило.

– Неужели? – спросил он и сунул руку в карман своего пальто.

Не раздумывая, я забрался на подоконник, оттуда спрыгнул на козырёк над входной дверью и через несколько секунд приземлился на дорожке точно между стариком и синеволосой. Прыжок с приземлением на четыре опоры – ровно такой же, как я сотни раз отрабатывал на тренировках по паркуру. Только встав на ноги, я осознал, что натворил. Можно сказать, я потерялся не меньше, чем Ким и дедуля, которые с удивлением уставились на меня с двух сторон. Но на размышление времени не оставалось:

– Бежим отсюда!

Я схватил синеволосую за руку и потащил за собой.

Входная дверь была закрыта, а дед преградил нам путь к калитке, поэтому мы ринулись напролом сквозь густую живую изгородь, которая отделяла дорожку от сада. Мы с Лассе дружили с раннего детства, поэтому в его доме я ориентировался не хуже, чем в собственном, и я прекрасно знал, в каких кустах находится лазейка, через которую можно протиснуться. Сначала я подтолкнул Ким, а потом пролез сам, не оборачиваясь в сторону старика, в надежде, что тот всё ещё не пришёл в себя после моего фееричного появления. Если мы оббежим дом и сможем зайти через веранду, то будем в безопасности.

– Что это за тип? – задыхаясь, выдавил я, пока мы пробирались сквозь темноту к полоске света, которая пересекала лужайку.

– Не думала, что ты окажешься таким идиотом, – в ту же секунду выпалила она.

В общем-то понятно: вот так, не подумав, выпрыгнуть из окна – не самая удачная идея. Может, надо было просто из окна запустить в незнакомца чем-то тяжёлым, например, весами или чем-то в этом роде. Или громко крикнуть: «Полиция! Руки вверх, лицом к стене!» И тем не менее у меня получилось круто. И довольно-таки стильно.

«Вот коза неблагодарная, даже спасибо не сказала».

– Всегда пожалуйста, – сказал я.

– Ты ничего не понимаешь. Нельзя допустить, чтобы они тебя обнаружили.

– Меня? – переспросил я. («Это просто смешно. Мне пока никто не угрожал».) – Что здесь происходит? Скажи, что это просто неудачный косплей.

Ким не ответила. Наверное, потому, что заметила три силуэта, которые как раз завернули за угол дома всего в нескольких метрах от нас. К сожалению, это были не влюблённые парочки с вечеринки, которые спускались с веранды, а незнакомые мужчина, женщина и ещё что-то, напоминавшее огромного пса.

– Чёрт возьми, – прошептала Ким.

«Да уж, лучше не скажешь».

Женщина выглядела вполне безобидно, а мужчина, напротив, даже издали казался куда моложе и сильнее, чем дедуля. Но по-настоящему меня насторожил этот пёс – он доставал мужчине почти до пояса. Послышалось тяжёлое дыхание, и собака рванула в нашу сторону. Сдерживал её, наверное, только поводок. Следом за нами сквозь кусты пробирался старик, в этом не было сомнений. Кажется, мы попали в ловушку.

Сад с этой стороны дома был всего несколько метров. От соседнего участка, который принадлежал щедрому дедушке и бабушке Лассе, его отделял двухметровый забор. Кроме нескольких кустов смородины, компостной ямы и груды досок, здесь стоял ещё сарай для инструментов. Шум вечеринки сюда почти не доносился. Шансов позвать на помощь – никаких. Оставался только один выход...

– Ползи сюда, – прошипел я. Схватив синеволосую за руку, я протиснулся вместе с ней сквозь кусты и побежал к сараю. – Умеешь перелезть через заборы?

Вероятность того, что она тоже занимается паркурком и может свободно перепрыгивать через двухметровые заборы, была невелика, но сейчас это облегчило бы нам жизнь.

– Нет, не умею! Беги без меня, слышишь? Главное, чтобы они не поймали тебя.

«Что она на мне так заиклилась? Ну ладно, выясню в другой раз».

Кажется, наши преследователи пока нас не обнаружили. Откуда-то из кустов доносился только голос дедули, который раздавал приказы.

– Там с ней ещё паренёк, мне нужны оба, – прокричал он. – Но девчонку доставьте живой. Отпускай Сирина!

«О нет! Сирин – это они, наверное, о собачище».

Если только девчонка нужна им живой, можно предположить, что паренька, то есть меня, эта тварь могла безнаказанно растерзать на части.

«Надо торопиться».

Когда Лассе был маленьким, его дедушка с бабушкой соорудили рядом с сараем маленькую дверцу в заборе, вроде той, которую оставляют для котов, чтобы они в любую минуту могли зайти. Раньше мы с Лассе частенько в неё лазили, и я очень надеялся, что эта дверца ещё существует. Пока Ким шептала, что я должен бежать один и не обращать на неё внимания, я опустился на колени, нашёл ручку и открыл дверцу.

– Сначала ты!

Лаз был довольно узким, но синеволосая, к счастью, оказалась достаточно стройной и гибкой. Хорошо, что она не стала терять времени на препирательства, кому из нас лучше лезть первым, а проскользнула на другую сторону, не переставая при этом шептать:

– Нам надо разделиться, Квинн! Беги, не останавливайся, пока не окажешься в безопасности. Что бы ни происходило вокруг, что бы ты ни услышал, не оборачивайся и не возвращайся, чтобы меня спасти. Пообещай!

– Это я уже понял. («Видимо, ей очень важно, чтобы её спас кто угодно, только не я».)

– Венаторес, капите? – раздался скрипучий голос деда.

Я тут же опомнился и вскочил на ноги.

«Там что, подросла ещё команда, какие-то Венаторес и Капите?»

Откуда-то послышался собачий визг. От страха, что эта псина отгрызёт мне ноги, пока я буду протискиваться в дверцу, у меня прибавилось сил. Закрыв лаз, я с разбега запрыгнул на забор и приземлился в саду дедушки и бабушки Лассе. Как раз вовремя. Совершив удачную посадку, я услышал, как пёс с рыком прорывается сквозь кусты смородины и прыгает на стену. Каким бы огромным он ни был, такую преграду ему не преодолеть. Я же почувствовал, что мои долгие тренировки с Лассе не прошли даром. Если они не обнаружат тайную дверцу, забор сможет надолго их задержать.

Синеволосая куда-то пропала.

«Интересно, она побежала на улицу или решила пробираться между домами?»

Я не представлял, где её искать. Хитрый план, ничего не скажешь: разделить и запутать преследователей, чтобы те разбежались в разные стороны. Но мне очень хотелось разобраться, что же здесь всё-таки происходит.

Я наугад повернул налево и побежал мимо садового пруда к низкому забору, который отделял этот участок от следующего. В доме у бабушки и дедушки Лассе горел свет, но их самих дома не было – когда они преподносили Лассе коктейльный сюрприз, то сказали, что идут в оперу. Свет они оставили только для того, чтобы отпугнуть воров. Мне этого тусклого освещения вполне хватало, чтобы понять, куда бежать. Синеволосой нигде видно не было. Я от души надеялся, что она каким-то образом выбралась. И что у неё есть телефон, и она может позвать на помощь. Мой сотовый, как всегда, лежал в кармане куртки, а куртка осталась на кровати у Лассе. В карманах штанов нашёлся только талон на бесплатный напиток, который я отобрал у Лассе.

«Очень “полезная” вещь в моей ситуации».

Я забрался на пихту, которая росла у следующего забора, и вдруг услышал приглушённый шум, похожий на шелест крыльев. Огромных крыльев, если быть точным. Инстинктивно я прижался к стволу, будто меня действительно собиралась заклевать гигантская птица.

Но когда я посмотрел вверх, там никого не было.

«Наверное, это испуганная сова сорвалась с ветки соседнего дерева».

Времени расслабиться у меня не было, потому что в тот же момент я услышал позади громкий визг, который не слишком соответствовал картинке с уютным домиком и садом, а был как будто вырезан из посредственного ужастика.

«Это чудище каким-то образом пробралось через забор и теперь идёт по моему следу!»

Вдруг я словно очнулся.

«Что здесь всё-таки происходит? Синеволосая девчонка, дед, огромная собачина и невидимая птица – все они вышли на охоту за мной? Что там подмешали в этот джин-тоник? Может, всё пройдёт, если на несколько минут окунуть голову в холодную воду?»

Но тут я снова услышал визг и вой, и звучало это настолько жутко, что мне ничего не оставалось, как спрыгнуть с дерева и бежать дальше. Посмеяться над собой я всегда успею. Сработал датчик движения, и в следующем саду надо мной зажёгся яркий фонарь. Я наискосок пробежал лужайку, резко свернул и по решётке забрался на крышу гаража, чтобы перебраться на противоположную улицу. Затем ещё одну. И ещё одну.

В голове промелькнули слова Ким: «Не останавливайся, пока не окажешься в безопасности...»

«Отличный совет. Только как понять, где она, эта безопасность?»

Меня окружали одноэтажные дома и сады. В такое время здесь стояла полная тишина, на улице можно было встретить разве что одинокого спортсмена или разносчика пиццы. Звонить в чью-то дверь было бесполезно: мне никто не откроет или захлопнет дверь перед носом... и тут же мне в затылок вопьются клыки этой собачины. Лучше уж бежать дальше, постараться оторваться от зверя.

Перепрыгивая через очередной забор, я чувствовал, что двигаюсь очень быстро, и это придавало мне уверенности. Паркур в темноте на незнакомой местности – это было необдуманно и опасно, но ноги сами принимали нужную позицию для идеального прыжка. Я, как пружина, перелетал с крыши одного гаража на крышу другого и чувствовал себя всё бодрее.

«Неужели кто-то сможет меня догнать? Это невозможно, и уж точно не дедуля в шляпе. И ни одна собака в мире не сможет запрыгнуть на крышу гаража».

Как ловкая белка, я взобрался на дуб. Кажется, это был дуб. Его ветки свешивались в сад следующего участка. С ликованием я вслушивался в тишину: ни шагов, ни хриплых указаний, ни жуткого воя...

«Я от них оторвался!»

Сейчас можно наконец-то глубоко вздохнуть и остановиться. Все события последнего часа казались полным сумасшествием, сценой из триллера или сном. Только в фильмах люди говорят фразы вроде: «Доставьте её живой!», «Главное, чтобы они не поймали тебя!».

И только в кино бывает такой жуткий шелест крыльев, раздавшийся в этот момент прямо над моей головой, а затем прозвучал резкий звенящий крик, который не мог издать ни человек, ни зверь. Это была какофония скрипа и шипения.

«Вот тебе. Размечтался».

Я встрепелся и пополз по ветке, пока не скатился по ней через забор. Оказавшись в очередном чужом саду, я окончательно потерял ориентир, на какую улицу меня занесло. Движение на дорогах здесь было более оживлённым. Кажется, я находился где-то недалеко от окружной трассы. Значит, рядом открыты кафе, ездят трамваи, работают театры. И ходят люди!

Но здесь, в этом дворе, создавалось ощущение, что все уже легли спать. Даже когда от моего движения включилось сразу несколько фонарей, в доме ничего не изменилось. Снова раздался жуткий визг, который погнал меня дальше к гаражу. Я надеялся, что, добежав до дома, найду заднюю дверь открытой. Но я даже не успел нажать на ручку, потому что, приблизившись к зданию, я увидел два жёлтых блестящих глаза, которые пялились на меня из кустов.

«Нет! Это невозможно!»

И всё же... когда он вышел на освещённый участок сада, я понял, что на самом деле передо мной вовсе не гигантский пёс, а волк. Чёрный, лохматый, с угрожающе обнажёнными клыками. Он ждал меня в засаде.

Его жуткие зубы были огромного размера. На долю секунды я застыл от ужаса, а затем моё тело пришло в полную готовность помимо моей воли. Я вскочил на шаткую грудку досок, сложенных под гаражом, а с них предпринял отчаянный длинный прыжок на крышу. Несколько досок с грохотом скатились на землю. В доме по-прежнему царила полная тишина. Если бы в эту минуту жильцам пришло в голову выглянуть из окна, перед их глазами предстала бы очень необычная картина: гигантский волк, скачущий галопом по лужайке и с рыком бросающийся на стену их гаража. Но, к несчастью, из окна никто не выглянул. Никто не пришёл мне на помощь. Точным прыжком я перелетел на крышу соседнего гаража, оттуда – на длинный навес, затем – на мусорные баки и на крышу очередного гаража.

Внизу я различил розовую неоновую вывеску парикмахерской. Здесь начиналась окружающая дорога. Словно одержимый, я понёсся прямо на «Причёски на все времена года».

«Я спрячусь в лавочке с шаурмой, которая совсем рядом с парикмахерской. И оттуда позвоню в полицию. Или в зоопарк. Или родителям. “Папа, можешь меня забрать? Меня собираются растерзать волк и гигантская птица!”»

Из-за гула моторов машин я слышал шелест крыльев, только когда тот раздался прямо над моей головой. В панике я не рассчитал следующий прыжок и не допрыгнул до соседней крыши. Я изо всех сил вцепился в водосточный жёлоб, но тот отделился от стены и с грохотом рухнул на тротуар вместе со мной. Ногу пронзила внезапная боль, но я не обращал на неё внимания, а продолжал бежать дальше по направлению к перекрёстку так быстро, как только мог. Фары проезжавших машин слепили глаза, поэтому я заметил волка, когда тот уже был в прыжке – он выскочил откуда-то сбоку и столкнул меня на проезжую часть. Последнее, что я слышал, прежде чем упасть на асфальт, был скрежет тормозов, показавшийся мне таким же жутким, как и визг летающего чудовища. Последняя мысль, которая пронеслась в моей голове: «Теперь все жители этой улицы наконец поняли, что шум и грохот раздавались вовсе не из телевизора». Но для меня было уже слишком поздно.

» 2 «

Матильда

До этого вечера шестое декабря для меня всегда было «тем самым днём, когда я разоблачила святого Николая». А для моей семьи – «тем самым днём, когда Матильда сорвала с дяди Ангсара искусственную бороду, потопталась на его праздничной шапке и испортила всем День святого Николая». Но теперь он навсегда останется для меня днём, когда Квинн фон Аренсбург попал в аварию.

И это случилось всего через полчаса после того, как на вечеринке Лассе Новака я пожелала ему попасть прямо в ад. Никакой связи, на первый взгляд, между этими двумя событиями нет, но я уже сотни раз желала Квинну гореть в аду. И хотя обычно меня мучают сильнеешие угрызения совести по любому поводу – Юли любит говорить, что «угрызения совести – это твоё второе имя», – но в этой ужасной ситуации я понимала, что не имею к произошедшему никакого отношения.

Весть о том, что Квинна сбила машина, резко оборвала вечеринку Лассе. В дом зашли полицейские, и последним, кого я увидела, покидая день рождения вместе с другими испуганными гостями, был именинник. Он сидел на диване, ошарашенный и отрешённый, и пытался отвечать на вопросы полиции. Рядом с ним на груди у полицейского безутешно рыдала Лилли Гольдхаммер, а тот в свою очередь не очень понимал, как себя с ней вести.

В порыве чувств мне захотелось хоть на миг поменяться с Лилли местами и тоже расплакаться у всех на глазах. Но это выглядело бы ужасно нелепо. Согласно официальной версии я ненавидела Квинна фон Аренсбурга лет с шести, с тех самых пор, как он обозвал меня «глупым хомяком» и толкнул прямо в заросли крапивы.

Я выросла с осознанием того, что семьи фон Аренсбургов и Мартинов враждовали друг с другом с незапамятных времён, хотя в нашем доме такие слова, как «ненависть» и «вражда», произносить запрещалось. Фон Аренсбурги превращали для нашей семьи заповедь «Возлюби ближнего своего...» в настоящее испытание. Но только не для меня.

Лишь Юли знала о моём секрете – уже много лет я питала к Квинну чувства, которые выходили далеко за пределы любви к ближнему. Квинн ничего не замечал и щедро отпускал в мой адрес самые разные ругательства. «Нервная курица» – самые нежные слова, которые я услышала от него за все эти годы. Из действительно обидных прозвищ могу вспомнить «болтливую кочерыжку», «сухаря» и ещё парочку в том же духе. Квинн, наверное, даже не знал, с кем именно разговаривает, потому что он постоянно путал меня с Луизой и Марихен, моими двоюродными сёстрами, а ещё с Терезой, родной старшей сестрой. Но этот факт ничуть не утешал меня, скорее, наоборот, ужасно расстраивал. Ведь это было так несправедливо! Больше всего меня обижало, когда люди не различали нас с Луизой. Ведь желание толкнуть Луизу в кусты крапивы я вполне разделяю. Каждый день мне хотелось сделать то же самое.

К несчастью, мы с Луизой похожи как две капли воды. Нас путали все, не только Квинн. На самом деле мы все выглядели одинаково: Луиза, Марихен, Тереза и я. И брат-близнец Луизы Леопольд. Так получилось, потому что моя мама и мама Луизы, тётя Бернадетт, были сёстрами, а мой папа и папа Луизы – братьями. И все их дети, то есть мы, получились с золотыми кудряшками, с курносыми носами и с ямочками на щеках. Возможно, такая внешность кажется кому-то очень милой. Это и правда мило, но для ребёнка лет до восьми. Или для трубящего ангелочка с иконы.

Я фыркнула, вспомнив наш с Квинном разговор за барной стойкой.

Тогда он действительно меня разозлил, но хорошо всё-таки, что я не придумала обидное ругательство в ответ. Возможно, это были бы последние слова, которые он от меня бы услышал...

– Всё с ним будет в порядке, если это вообще был он. Не переживай ты так. – По дороге домой Юли ободряюще улыбнулась и взяла меня за руку. Она, конечно же, заметила, как я глотаю слёзы, которые ручьями текли по лицу. – Кроме того, ты не единственная, кого это зацепило. Я тоже волнуюсь. Даже странная двоюродная сестрица Лассе разревелась, а она ведь вообще не была знакома с Квинном.

– Мне кажется, она разревелась, потому что так и не смогла выковырять жвачку из волос, – сказала я. – Она спросила, нет ли у меня складного ножика и могу ли я подрезать ей чёлку.

Где-то вдалеке послышалась полицейская сирена, я остановилась.

– Наверняка всё не так уж страшно. – Юли потянула меня за собой. – Я вообще не могу себе представить раненого Квинна, а ты? Помнишь, ещё несколько дней назад он прыгнул сальто с крыши спортзала.

Конечно, как можно такое забыть! Квинн приземлился в двух метрах от меня, грациозно, как кошка. Со смехом выпрямился и отбросил чёрную прядь волос. Его голубые глаза смотрели, как всегда, сквозь меня на друзей, которые одобрительно гудели и аплодировали.

– Да, – ответила я. – К сожалению, я прекрасно могу себе это представить.

– И в основном грустное развитие событий, да? Потому что ты у нас пессимистка с богатой фантазией. – Юли вздохнула. – Но сейчас важно сохранять присутствие духа. Я уверена, что в понедельник Квинн заявится в школу как ни в чём не бывало. И будешь сохнуть по нему издали сколько захочешь, а он продолжит тебя игнорировать.

– Если только не перепутает меня с Луизой. – Я попыталась улыбнуться. – Надо было мне сегодня надеть твою футболку.

На мой пятнадцатый день рождения Юли подарила мне две футболки. На одной была надпись: «Я НЕ Луиза», а на другой – «На свете есть два вида людей. Ненавижу оба». К сожалению, я могла носить их только в качестве ночнушек. Моя мама все полтора года настойчиво пыталась испортить эти футболки во время глажки, так она поступала с любой моей одеждой, которая её раздражала. От надписи на человеконенавистнической футболке осталось только «... два... не... жу... ба», зато на второй футболке надпись каким-то чудом уцелела.

«Может, это знак свыше».

– Знаешь что? Если в понедельник Квинн действительно появится в школе, обещаю в следующее воскресенье надеть в церковь футболку с надписью: «Я НЕ Луиза», – торжественно пообещала я. – Без свитера.

Юли рассмеялась:

– Если ты на это решишься, твои родители побегут за экзорцистом, чтобы изгнать из тебя злого духа. Но я не стану тебя отговаривать. Это ведь моя давняя мечта!

На этих словах наши телефоны синхронно завибрировали, мы одновременно сунули руки в карманы курток.

– Вот чёрт, – пробормотала Юли.

Среди наших одноклассников поползли первые слухи: Квинн был либо мёртв, либо тяжело ранен, либо легко, либо вообще не попадал в аварию.

Всю оставшуюся дорогу мы растерянно следили за сообщениями, выскакивающими каждую секунду на экранах наших телефонов, пытаюсь угадать, какое из них может оказаться правдой, а какое – выдумка чистой воды. Кто-то доказывал, что Квинн мёртв, подтверждая свои слова тем, что нашёл где-то в сети пост хозяина лавки с шаурмой, перед которой произошла авария. Пост якобы сопровождала размытая фотография с места событий и подпись: «Надеюсь, на небе для этого парня приготовят такую же вкусную шаурму, как делаем мы. Он так

любил наши кебабы с картошкой». А кто-то другой, кто знал кого-то, который знал ещё кого-то из той самой машины скорой помощи, которая забрала Квинна, писал, что на проезжей части валялись куски мозга и оторванное ухо.

Но если Квинн действительно был мёртв, почему с места событий отъезжала машина скорой помощи с сиреной и мигалкой? Как утверждала Смила Бертрам, её брат видел это собственными глазами. И как все эти свидетельства соотносятся с новостью о том, что в больнице Квинну нужно было промывать желудок?

При этом наша подружка Аврора только что видела Квинна живого и невредимого в кино.

«Только со спины, но это точно был он!» – писала Аврора.

К сожалению, даже мы с Юли не могли поверить в версию Авроры, потому что в октябре она, дескать, встретила в супермаркете самого Джастина Бибера, который покупал туалетную бумагу и льняные семечки. По моим предположениям, истина находилась где-то между «ранен» и «мёртв». По крайней мере, в слухах о том, что Квинн был пьян, имелась доля правды. Он залпом выпил свой джин-тоник, потом забрал второй, да ещё и мою «Кайпириню». Трезвым он точно не был, поэтому скорость его реакции наверняка пострадала.

«Может, с ним ничего бы не случилось, если бы я отняла у него свой коктейль...»

– Встречайте, вот и оно, доброе старое чувство вины, – сказала Юли, когда я поделилась с ней своими соображениями. – Я-то думала, с тебя хватит ответственности за глобальное потепление.

– Я ведь пользуюсь продуктами с содержанием пальмового масла, – отозвалась я, не отрываясь от телефона.

Мы пришли к Юли только в половине одиннадцатого, но в доме уже все спали. Перед дверью стояли три пары резиновых сапог, которые младшие сводные братья Юли подготовили для подарков святого Николая. Кажется, Николай сегодня уже побывал в этом доме: сапоги были доверху наполнены маленькими коробочками в подарочной обёртке и мандаринами.

– Выставь и ты свой ботинок, – прошептала Юли, оставляя свой замшевый чёрный сапожок рядом с резиновыми сапогами братьев, – иначе она расстроится.

Она – это мачеха Юли, моя тётушка Беренике, самый милый человек на планете.

– В прошлом году я нашла в сапоге классную тушь для ресниц. И марципаны.

Я пододвинула свой ботинок к сапожку Юли.

Моя обувь тоже была чёрного цвета, но не такая шикарная, потому что мне всегда приходилось доншивать её за Терезой, а та ходила в магазин только в сопровождении нашей мамы.

Мы на цыпочках пробрались в комнату Юли и тихо закрыли за собой дверь.

Тётушка Беренике постелила для меня на диване, оставив нам кексы и смородиновый лимонад. Заботливое отношение тётушки Беренике – одна из причин, по которой я любила ночевать у Юли гораздо больше, чем дома. Кроме того, моя комната была не больше восьми квадратных метров, а у Юли даже имелась собственная ванная. И самое главное, по воскресеньям здесь мы могли спать сколько захотим, а мои родители настаивали на том, чтобы даже в те дни, когда не собирался церковный хор, мы приходили на службу вместе с ними к девяти утра.

Тётушка Беренике унаследовала наши фамильные черты: золотистые локоны, ямочки на щеках, вздёрнутый носик, полные губы, как у её сестёр – моей мамы и тёти Бернадетт, но во всём остальном она была их полной противоположностью.

Сёстры при любой возможности указывали ей на то, как «безалаберно» вела себя тётушка Беренике до брака. Когда наши прабабушки говорили о ней, то обычно употребляли выражения вроде «скандальная девчонка», «беспутная», «взбалмошная». В такие моменты тётушка Беренике откидывала свою золотистую шевелюру и громко смеялась. Она вообще много смеялась, поэтому, наверное, ямочки на её щеках всё ещё выглядели привлекательно, а не как у моей мамы и тёти Бернадетт – словно две осуждающие морщины справа и слева от уголков губ.

Биологическая мама Юли была родом из Танзании, она умерла от рака груди, когда Юли только научилась ходить. После смерти жены отец Юли вернулся в Германию и именно тогда познакомился с тётушкой Беренике. Так Юли стала моей двоюродной сестрой – счастье, за которое я не переставала благодарить судьбу. Без Юли я бы уже давно сошла с ума в своей семейке.

– Луиза и Леопольд создали группу под названием «Скорбим по Квинну». – Юли возмущённо фыркнула. – Только для своей параллели, конечно. Нас в неё не пригласили.

– «Скорбим по Квинну»? Это значит... – Я замолчала на полуслове.

– Нет, ничего это не значит, – отрезала Юли. – Кроме того, что Луиза и Леопольд полные дураки. И выскочки. Они пригласили в эту группу учителей!

– Может, они знают что-то, чего не знаем мы, – неуверенно возразила я.

«О боже, наверное, они разговаривали с родителями Квинна...»

«Квинн погиб?» – напечатала я дрожащими пальцами и отправила сообщение Луизе.

«Высока вероятность, что это так, – тут же написала в ответ она. – На месте аварии обнаружили слишком много остатков мозгов и уха».

Я облегчённо вздохнула: Луиза находилась в таком же неведении, как и все мы, и полагалась только на слухи. А в эту историю с ухом я не верила ни секунды.

– Создать группу скорбящих по тому, кто не умер – это ведь полный идиотизм, – сказала я, нервно усмехнувшись.

– Да, с таким же успехом они могли организовать свадебные торжества для того, кто даже ни с кем не встречается, – отозвалась Юли.

Из моей груди вырвался сдавленный смешок, и я тут же испуганно прикрыла рот рукой.

«Что это со мной?»

– А что, если он действительно погиб?

Юли покачала головой:

– Они всё выдумали. Никто ничего толком не знает. Или ты веришь, например, что отец Лилли Гольдхаммер был за рулём автомобиля, который сбил Квинна, и что он специально хотел его убить? Съешь-ка лучше кекс! Квинн жив. – Она посмотрела на экран телефона. – Гляди, вот сейчас женщина, которая вела тот автомобиль, жертвует Квинну свою почку.

– Ты права! Никто ничего не знает. И нам не остаётся ничего, кроме как ждать. – Я отложила телефон в сторону. – Может, посмотрим какой-нибудь из тех скучнейших документальных фильмов о живой природе, которые ты так любишь? Они успокаивают нервную систему.

– Отлично, – воодушевилась Юли. – Я недавно начала смотреть новый цикл фильмов о животном мире в верховье Дуная. Тебе понравится, там абсолютно ничего не происходит. И мы с тобой переоденемся в мои фланелевые рождественские пижамы. Мама очень обрадуется, если мы спустимся в них к завтраку.

Мы уютно устроились на диване. Вкус у кексов был немного странный. Наверное, тётушка Беренике снова разрешила малышам положить в тесто всё, что им заблагорассудится. Главное, чтобы им нравилось. Но мы всё равно съели всё до последней крошки. В какой-то момент, когда в фильме птица под названием «большая поганка» в замедленной съёмке стряхивала с крыльев капли воды, я заснула.

Проснувшись, я обнаружила, что Юли спит, положив голову мне на плечо. Ноутбук был закрыт. Мне что-то снилось, и во сне казалось, что это ужасно важный сон и надо во что бы то ни стало его запомнить. Чем сильнее я старалась оставить его в памяти, тем быстрее он ускользал, и только в последний миг перед тем, как сон окончательно испарился из моей памяти, перед глазами всплыла картинка с кошкой фон Аренсбургов, которая хитро мне подмигнула. Картинка тут же исчезла, но осталось удивительное чувство уверенности, что всё будет хорошо.

Я осторожно переложила голову Юли на подушку, выпуталась из одеяла и потянулась за телефоном. Была половина третьего. Мне очень захотелось в туалет. Я начала чистить зубы и выглянула в окно.

«Если бы я была сейчас у себя, смогла бы увидеть дом Квинна».

Зимой, когда рано темнело, свет у фон Аренсбургов зажигали уже после обеда, и можно было рассмотреть их дом изнутри.

Там всё было пёстрым: мебель, картины, стены, подушки, цветы на обеденном столе, платья мамы Квинна, рубашки его папы и даже кошка, которая подмигивала мне во сне. Из моей комнаты отлично просматривались стены кухни, выкрашенные в мятно-зелёный цвет. На кухне они обычно вместе готовили, ели или собирали друзей и играли.

Они казались такими идеальными. По крайней мере, со стороны. Одним словом, самая гармоничная семья на свете.

Иногда по вечерам они втроём выходили на прогулку по нашему району, господин фон Аренсбург клал руку на плечо Квинна, а Квинн – на плечо маме. Азиатские черты лица Квинна, наверное, унаследовал от неё. Но было понятно с первого взгляда, что его коренастый рыжебородый папа не его биологический отец. Тем не менее господин фон Аренсбург всегда выглядел так, будто вот-вот лопнет от гордости за своего приёмного сына.

«Каково сейчас его родителям? Неужели они сейчас сидят в своих пёстрых одежках в мрачном больничном коридоре и ждут, леденя от страха?»

Я надеялась, что до них не доходят фейковые новости, которые продолжали тем временем множиться в нашей группе. Смила Бертрам высказала предположение, что Квинн нарочно бросился под машину, и под её сообщением разгорелась яростная дискуссия на эту тему. Хуже того, Гереон Майер распечатал для Квинна неоновое зелёное ухо на своём трёхмерном принтере.

Выплюнув в раковину зубную пасту, я снова поглядела на экран. На этот раз там появилась фотография Луизы. Моя двоюродная сестрица трагически улыбалась в камеру, на заднем плане можно было различить горящие свечи и цветы и...

«Погодите-ка! Это что, сад фон Аренсбургов?»

Я приблизила изображение железных ворот рядом с круглой Луизиной головой. Да, это действительно был забор фон Аренсбургов. На стене под ним стояло множество фонарей и свечей с кладбища, а ещё что-то вроде плаката с радугой, на котором было написано: «Мы тебя не забудем, Квинни».

«Надеюсь, Квинн благополучно перебрался через радугу, молюсь за его несчастных родителей. Спасибо всем, кто выражает здесь свои соболезнования и своё сочувствие», – гласила подпись под фотографией.

Из хештегов я прочла только #немогууснуть #друзья и #путигоспода и, распахнув дверь, пулей вылетела из ванной.

– У них совсем крыша поехала!

Юли вскочила с дивана. Кажется, я слишком громко крикнула.

– Что случилось? – сонно пробормотала она. – Зачем ты переодеваешься?

– Мне срочно надо домой. Луиза и Леопольд устроили что-то вроде траурного шествия под домом Квинна, а я не хочу, чтобы его родители... Просто зайти в инстаграм Луизы. – Я застегнула молнию на джинсах. – Представь, они, обессиленные, вернутся домой из больницы, а там такое! Срежиссировано их любимыми соседями. Где моя куртка?

– Бред какой-то, не может быть! – Юли присела и потянулась к телефону. – Где ты говоришь?.. А, вижу! – Её карие глаза широко распахнулись. – Хештег #траурноешествиепокавсе спят... В голове не укладывается.

Я уже бежала вниз по лестнице, на бегу натягивая сапоги. Буквально на следующем перекрёстке меня догнала Юли.

– Подожди! – окликнула она. – Я могу припугнуть Луизу приёмами самообороны из моего курса для уверенных в себе девочек.

В порыве чувств я чмокнула её в щёку:

– Спасибо! Ты лучшая! – крикнула я и снова помчалась вперёд. – Давай сюда, срежем путь. – Я указала на низкую калитку, ведущую к кладбищу.

– Ни за что на свете, – фыркнула Юли. – Только не через это жуткое кладбище. Среди ночи. Я даже пижаму переодеть не успела.

– Что ты как маленькая! – отозвалась я. – Зомби даже внимания не обратят, что там на тебе надето.

Дорожка, которая вела через кладбище, сокращала путь от дома Юли к моему примерно вдвое, и я ходила по ней в любое время дня и ночи. В отличие от Юли, меня на кладбище ничего не пугало. Это было одно из самых больших и старых кладбищ города с надгробными памятниками прошлых веков, широкими развесистыми деревьями, аллеями, многочисленными скульптурами, поросшими мхом, запущенными участками, о которых все забыли. Я это кладбище считала ещё и самым красивым в городе. Зимой главные ворота запирали в семь часов вечера, но боковые проходы оставались открытыми. К тому же у меня был ключ на случай, если коллеги случайно закроют какого-нибудь особо усердного сторожа или садовника. Среди прочих добровольных повинностей, которые взяла на себя наша семья, был уход за заброшенными могилами. Эту обязанность я просто обожала.

Даже в темноте я прекрасно ориентировалась на кладбище, и, прикрыв боковую калитку, я уверенно побежала вперёд.

Юли вцепилась в мою руку:

– Пожалуйста, не лети так, – прохрипела она.

Но я не хотела терять ни минуты, мне во что бы то ни стало надо было остановить Луизу прежде, чем перед родителями Квинна предстанет её траурное шествие.

– Зомби такие копуши, им никогда тебя не догнать, если будешь бежать быстро-быстро.

– Ха-ха-ха. – Юли ускорила шаг, не отпуская при этом мою руку. – Ох, этот мерцающий красный свет повсюду. Мне только что показалось, что там что-то шевелится.

Мне такие истории давно не внушали страх. Даже в это время суток на кладбище бурлила жизнь: ветер шелестел в ветвях, сычи, летучие мыши, хорьки, куницы и коты выходили на охоту. Мне уже несколько раз доводилось видеть здесь лиса. Наверное, его нора была где-то совсем рядом. Я мысленно окрестила его Густавом. Но своими громкими шагами и тяжёлой одышкой неумелых бегунов мы отпугнули всех живых существ и достигли ворот, которые выходили на улицу, так и не встретив Густава или какое-нибудь другое живое существо. Юли с облегчением выдохнула, как только за нашими спинами с лёгким скрипом закрылась калитка кладбища.

– Мрачняк, – поёжившись, проворчала Юли.

– О, как прекрасно, что вы здесь, – раздался совсем рядом с нами чей-то радостный голос.

Юли взвизгнула, словно её догнали жуткие зомби. Но голос принадлежал кое-кому похуже любого зомби. Это была Луиза.

Я надеялась, что за это время она закончила своё действие и отправилась спать, что мне придётся просто убрать с забора всю чепуху. Но Луиза выглядела вполне бодрой. В ответ на визги Юли она укоризненно прищёлкнула языком:

– У вас, случайно, нет с собой могильных свечей с крышками? Наши постоянно задувает ветер, а их нужно много, чтобы они выглядели как море огней, когда господин и госпожа фон Аренсбург вернутся домой.

– Если бы мы знали наверняка, когда они приедут... – добавил Леопольд. Он стоял у въезда в гараж фон Аренсбургов, скрестив на груди руки. На заборе рядом с ним лежал футляр с гобоем. – Мне кажется, будет очень атмосферно, если мы все дружно возьмёмся за руки и,

когда они выйдут из машины, споём молитву, или «Time to Say Goodbye»¹, или даже банальную...

– Никто здесь ничего петь не будет. Ясно вам? – тихо сказала я. На самом деле мне хотелось заорать на них, но я до сих пор задыхалась после быстрого бега. – Вы сейчас же уберёте всю эту бредятину, а затем уберётесь сами, пока никто не пострадал.

Леопольд и Луиза вытаращили на меня глаза.

– Пока никто не пострадал? – переспросила Луиза. – Ты что, угрожаешь нам?

– Вообще-то я имела в виду фон Аренсбургов, которых могут глубоко ранить ваши «старания». Но если тебе так хочется – да! Я вам угрожаю! – Мой голос постепенно креп. – Нельзя устраивать траур по тому, кто жив. Вы вообще подумали, что будет с родителями Квинна, который борется за жизнь в больнице, когда они увидят, что перед их домом уже зажгли траурные огни?

– Ты не можешь этого знать наверняка, – яростно возразила Луиза.

– Да, но и ты тоже! – крикнула я.

Секунд на пять воцарилась тишина, на лицах близнецов отчётливо отражалась напряжённая работа мысли. Я уже понадеялась, что они признают свою ошибку и добровольно свернут весь этот театр, но не тут-то было.

– Даже если он ещё не умер, немного сочувствия его семье не повредит, – сказал Леопольд, и все мои надежды растаяли как дым. Ни за что на свете Луиза и Леопольд не признают, что были неправы. Это не прописано в их внутренней программе. – Тема умирания и смерти стала табу в нашем обществе, – поучительно разглагольствовал Леопольд. – Песни, свечи и молитвы никого не могут ранить.

Я сжала кулаки. Спорить с этими двумя было, как всегда, бесполезно.

– Вот-вот. – Луиза сняла с забора плакат с радугой. – Это предложение я могу заменить. Может, просто напишу: «Мы все молимся за тебя, Квинни». Это подходит для любой ситуации.

– Квинни? Ты серьёзно? – Юли наконец пришла в себя после пробежки от невидимых зомби и поспешила мне на выручку. – Ты же терпеть его не могла! А для него ты самая невыносимая тупица, которая когда-либо рождалась на планете Земля.

«И не только для него».

Я решительно задула свечу.

– Квинн не хотел бы, чтобы ты за него молилась, – продолжала Юли, а Луиза и Леопольд возмущённо пыхтели в ответ. – И что вообще значит это твоё «все мы»? Я вижу только вас двоих.

После этих слов Юли я невольно вздрогнула. Ещё несколько лет назад я начала сомневаться в существовании Бога, настолько жестоким и несчастным казался мне наш мир, но сказать самой себе, что Бога нет, я не решалась.

– Сделай же что-нибудь! – воскликнула Луиза, глядя на Леопольда.

– Да, сделай же что-нибудь, Леопольд! – Я рывком сбросила с забора свечи. По асфальту струйкой начал растекаться воск. Леопольд испуганно прижал к себе футляр с гобоем. – Идите-ка спать, мы уберём ваш никчёмный хлам. Но если вам очень хочется, можем сначала подраться.

– С большим удовольствием, – подтвердила Юли. – Наконец-то представится возможность показать, чему я научилась на курсе самозащиты. Например, отработаю удар «кулак-молот» по шее.

Леопольд попятился:

– У вас... совсем крыша поехала. Мы стоим здесь уже несколько часов и продумали всё до мелочей!

¹ «Время попрощаться» (англ.).

– Да проявите хоть немного уважения и сочувствия, – добавила Луиза.

– Звучит неубедительно от человека, который распространяет нелепые слухи похуже жёлтой прессы. – Юли перешла дорогу и выкатила наш мусорный бак.

«Отличная идея. Так дело пойдёт быстрее».

– А это здесь откуда? – Я схватила маленький букет, который торчал в заборе, и поднесла его к глазам, чтобы получше рассмотреть. – Это, случайно, не тот самый букет, который мы недавно подарили на день рождения тёте Бернадетт?

– Он был почти как новый, – стала оправдываться Луиза. – К тому же здесь важна символика, а не сам предмет.

Вдруг до меня дошло, что все эти свечи и цветы – дело рук только Леопольда и Луизы, а их благодарность в инстаграм «всем, кто выражает своё соболезнование» нужно понимать как приглашение к действию, которому, к счастью, никто не последовал.

Я опустила букет в мусорный бак.

– Приближается какая-то машина, – сказала Юли, и моё сердце от страха совершило кульбит.

Я поспешно продолжила задувать свечи.

– Это подсвечник с нашей террасы, ты не посмеешь его выбросить! – Луиза вырвала из рук Юли стеклянный стакан. – Ой, да ты, кажется, в пижаме?

К счастью, машина завернула в переулок, не доехав до нас. Но я поняла, что надо спешить. Когда фон Аренсбурги вернутся сегодня домой, они ни в коем случае не должны застать возле своего дома сумасшедших соседских детей. Поэтому я поручила Юли сбросить оставшиеся свечи в мусорный бак, а сама принялась потихоньку оттеснять Луизу на другой конец улицы, к дому.

Вся наша большая семья с 1902 года проживала в большом доме на две семьи, в нём вырос ещё мой прадед. Леопольд, Луиза, дядя Томас, тётя Бернадетт и Марихен жили в половине дома, значащейся под номером четырнадцать, а мои родители, Тереза, я и студент, который приехал по обмену из Уругвая, занимали половину дома под номером шестнадцать.

Леопольд неуверенно преградил мне путь.

– Я, конечно же, не собираюсь прибегать к насильственным действиям в отношении тебя, – начал он, – но я решительно протестую.

Так решительно, что мне нужно было лишь подтолкнуть его к калитке нашего дома, а остальную часть пути до дверей он уже проделал самостоятельно.

– Теперь твоя очередь. – Я повернулась к Луизе.

«С ней, наверное, будет потяжелее».

– Только попробуй! – Она попыталась скрестить руки на груди, вцепившись при этом в стеклянный подсвечник. Затем страдальческим голосом добавила: – Ты вообще представляешь, сколько раз мне пришлось зажигать эти свечи? Их каждый раз задувало ветром!

– Может, это был вовсе не ветер, а божественное дыхание, – съязвила я.

– Постыдилась бы! – прошипела Луиза.

– Не связывайся с ней, сестрёнка! – прокричал Леопольд с противоположной стороны дороги. Он тем временем уже распахнул входную дверь. – Мы сделали всё, что в наших силах.

– Вот-вот, Луиза, у тебя ведь даже фотка в инстаграм есть в доказательство того, насколько ты сочувствующий человек. – Юли захлопнула крышку мусорного бака и откатила его обратно к нашему дому. – Наверняка Святой Отец собственной персоной поставил тебе лайк. Или как минимум его секретарь.

Луиза смерила нас презрительным взглядом:

– Вот интересно, как на это отреагируют завтра утром наши родители.

«Да, действительно интересно, но сейчас лучше об этом не думать».

Луиза ещё не закончила свою тираду:

– Меня волнует только одно: вы каждый раз вот так будете прогонять людей, которые придут сюда, чтобы зажечь свечи и выразить соболезнования? Как именно вы собираетесь их всех остановить? – Луиза окинула меня презрительным взглядом и проследовала на другую сторону улицы, туда, где её ждал Леопольд. – А если кто-то захочет почтить его память игрой на гобое? Вы будете дежурить здесь до утра в своих симпатичных пижамах?

Они действительно были настроены продолжать это безобразие, как только мы уйдём. Я снова разозлилась.

Юли встала рядом со мной:

– Даже не надейся, Луиза! Кроме вас до такого идиотизма никто не додумается.

– Вы оба будете сидеть дома до самого утра, – добавила я, произнося слова как можно отчётливее. От ярости мой голос звучал глубоко и угрожающе. Если бы он не принадлежал мне, услышав его, я бы испугалась. – Потому что, если вы только посмеете снова выйти на улицу, клянусь, я разломаю гобой Леопольда на две части и огрею этими обломками каждого из вас. Это вам понятно, трубящие ангелочки?

Последнее предложение Леопольд с Луизой уже не слышали, входная дверь за ними захлопнулась.

– Ничего себе! – Юли вытаращила глаза сначала на дверь, а потом на меня. – Ты кто такая, бесцеремонная грубиянка, и куда ты дела мою нежную, робкую Матильду?

– Не волнуйся, она вернётся, как только её папа начнёт отчитывать нас за ужасное поведение.

Я повернулась к дому фон Аренсбургов, чувствуя, что миссия выполнена. На заборе сидела кошка и спокойно вылизывала рыжую шёрстку. За исключением нескольких потёков воска, от идиотской затеи Луизы и Леопольда не осталось и следа. Вот теперь родители Квинна могут спокойно возвращаться домой.

– А этот бессовестный Квинн должен выжить во что бы то ни стало, – громко добавила я.

» 3 « Квинн

Аппараты, к которым меня подключили, гудели, трещали и пищали днём и ночью без перерыва. Из коридора долетали звуки других приборов из соседних палат, врачи и медсёстры суеились, разговаривали друг с другом, беспрестанно звонил телефон. Если мне иногда удавалось заснуть, тут же вокруг моей руки сжималась манжета тонометра – каждые полчаса мне измеряли давление. Монитор с показателями я не видел, а лишь слышал постоянный писк и гул, мечтая встать с кровати и вышвырнуть ненавистный тонометр из окна. Но даже такое простое действие сейчас находилось за гранью моих возможностей, поэтому мне оставалось только фантазировать на эту тему.

– Ты не спишь? Это отлично. Так ненавижу спать пациентов во сне.

Дежурившая сегодня медсестра мне очень нравилась. Она была молодой, симпатичной и всегда разговаривала со мной так, будто я был её младшим братом.

Её звали Майя. На руке у неё пряталась пёстрая татуировка, которая приводила меня в восторг, – это была ящерица, похожая на дракона, которая обвивала руку от запястья до самого локтя.

– Ясное дело, не сплю. Не представляю, как можно уснуть в таком шуме.

Я до сих пор не мог привыкнуть к своему новому голосу, казалось, будто он принадлежит кому-то другому. Я говорил тихо, задыхаясь, но по сравнению с последними днями гораздо более уверенно, и мне больше не приходилось отчаянно набирать воздух в лёгкие после каждого слова.

– Хватит ныть! Это тебе не санаторий, а реанимация. Кстати, аппарат искусственного дыхания, от которого тебя отключили совсем недавно, гудел гораздо громче. – Майя направила мне в глаза луч фонарика. – Отличный зрачковый рефлекс, – радостно прокомментировала она и вставила мне в ухо термометр.

Я промолчал, решил не напоминать ей, что тогда пиканье приборов мне вовсе не мешало, потому что я находился в коме.

– Кислородное насыщение замечательное, и с тех пор, как упала температура, пульс тоже не так прыгает. Тридцать шесть и восемь, кто бы мог подумать! – Майя не скрывала радости. – Просто невероятно, такой прогресс всего за несколько дней. Я слышала, что сегодня тебя уже пересаживали на стул, это же замечательно.

«Да, просто прекрасно».

– Я продержался две минуты, а потом закружилась голова, и меня стошнило. («Ох, снова я жалуюсь».) Я думал, что передо мной два физиотерапевта, что они близнецы, а выяснилось, что это один и тот же человек, который двоился у меня в глазах, – поспешно добавил я.

Майя рассмеялась:

– И чувство юмора вернулось.

Мне было приятно, что я её рассмешил. Но на самом деле ничего смешного в этой ситуации не было. Галлюцинации пугали меня больше, чем все остальные последствия аварии. Боковым зрением я теперь улавливал странные вещи, которых не могло существовать. Например, эти лица, которые словно с интересом наблюдали за мной из-за оконной рамы. Из окна не должно быть видно ничего, кроме высоких деревьев и кусочка неба. Вот и сейчас, когда Майя коснулась моей руки, сознание услужливо подкинуло мне очередную оптическую иллюзию: ящерица-татуировка на коже Майи еле заметно двигалась, как будто дышала. Я зажмурился, но это не помогло. Когда я перевёл взгляд на татуировку, она по-прежнему казалась трёхмерной и такой настоящей, будто каждую секунду ящерица была готова перепрыгнуть с

руки Майи на мою. Каждая чешуйка отливала другим оттенком, а жёлтый глаз со скошенным зрачком смотрел мне прямо в лицо. Недоставало только того, чтобы ящерица мне подмигнула. Через несколько секунд я глубоко вздохнул и закрыл глаза.

– Я знаю, что тебе сейчас тяжело, – нежно сказала Майя.

Она оставила меня в покое и стала колдовать над трубками, с помощью которых в меня вливали инфузии и антибиотики. Завтра наконец-то эти трубки обещали отсоединить.

– Я поспорила, что ты выйдешь отсюда живым, Квинн. И вот, только посмотри на себя, это же маленькое чудо. Всего неделю назад ты дышал с помощью приборов, получал еду через аппараты, а последний дренаж сняли всего два дня назад.

Я потянулся к голове, чтобы нащупать дырку, которую в ней оставила трубка, и провёл пальцами по прорастающим вокруг пластыря волосам.

«Это тоже новый навык – всего два дня назад я даже не мог поднять руку».

– Если ты продолжишь выздоравливать в таком темпе, на следующей неделе мы уже сможем перевести тебя в реабилитационное отделение. – Майя что-то напечатала на компьютере. – Там ты снова научишься ходить и всему остальному. Придётся ещё немного потерпеть. Ну, то есть много потерпеть.

Да, так говорили все: врачи, мои родители, физиотерапевты и даже Лассе, который пришёл ко мне в больницу уже на следующий день. Правила посещения здесь были очень строгими. Навещать больных разрешалось только вечером с четырёх до шести, но сначала нужно было позвонить в приёмный покой и назвать своё имя. Если имя не значилось в списке, посетителя не пускали. Правда, моей маме как-то удавалось пробираться ко мне ещё до начала приёмных часов, а вечером они с папой уходили только после того, как их настойчиво об этом просили. Наверное, делали поблажки на Рождество, а может, родителям разрешали побыть подольше в качестве исключения, потому что я был самым младшим пациентом. Или просто благодаря маме – она могла очаровать и убедить кого угодно. Пока я лежал в коме, она подружилась со всем медперсоналом в реанимации и знала не только имя и расписание работы каждого из них, но и как зовут их детей и домашних животных, почему все терпеть не могут эту молодую практикантку и что Анна равнодушна к Яннису, а тот влюблён в Давиду. Думаю, она смогла бы назвать мне даже имя мастера, который набил Майе татуировку с ящерицей, если бы я её об этом спросил.

И ей, конечно, пришлось пройти ускоренный курс по изучению медицинской терминологии.

– Теперь, когда вытащили центральный катетер, назогастральный зонд и вентрикулярный дренаж, Лассе может тебя навестить, – сказала мама. Настроение у неё было отличное. Может, из-за того, что сегодня я продержался на стуле целых десять минут и впервые съел тарелку пюре, при этом ни разу не поперхнувшись. – Твой вид бы его слишком впечатлил, поэтому я не разрешала ему прийти раньше.

Кажется, вид у меня до сих пор был жуткий, потому что, как только Лассе приблизился к кровати, из его глаз покатались слёзы.

– Мама права, ты такой нюня, – сказал я и чуть не расплакался сам.

– Прости, дружище. Мне так жаль, – всхлипывал Лассе. – Я просто... Я просто так рад, что ты жив. И что ты остался самим собой, хотя эта машина расквасила тебе голову.

Похожими словами моё состояние описывали и врачи, разве что употребляли другое слово вместо «расквасила». Чудом было не только то, что я выжил после такой аварии, но и то, что мой мозг оказался не повреждён. Врач, который проводил первый осмотр, когда меня привезли, страшно удивился, что я помнил, как меня зовут, сколько (расплывчатых) пальцев он держал перед моими глазами, какой сейчас год и какую оценку я получил за последнюю контрольную по математике. Из-за кровоизлияния в мозг половину моего тела временно пара-

лизовало, но за последние дни состояние настолько улучшилось, что можно было надеяться на полное выздоровление.

Остались только эти галлюцинации...

– Ну ты даёшь. – Кажется, Лассе пододвинул стул и сел рядом с кроватью.

Мама оставила нас одних и пошла прогуляться в парк. Но, зная маму, я предполагал, что уже через полчаса она вернётся.

– Что ты, чёрт возьми, забыл на этой окружной, скажи, пожалуйста? Дружище, я думал, ты только на секунду заскочил в туалет. Полиции я сказал, что, наверное, всё дело в этой сине-волосой. Что она впарила тебе какую-то наркоту или что-то подобное, но никого это предположение не заинтересовало.

– Выходит, ты тоже её видел? – Я облегчённо вздохнул. («Значит, синеволосяя существовала на самом деле. А то я уже начал в этом сомневаться».)

Выйдя из комы, я тут же принялся расспрашивать о девчонке, волке и огромной кричащей птице, раз за разом пытаюсь растолковать всем, какие странные события произошли тем злополучным вечером. Но никто мне не верил, даже мои родители, и все утверждали, что я бредил и что мои коматозные видения смешались с реальностью. Возможно, так оно и было.

Мне снилось множество диких снов, настолько странных, что после пробуждения я отчаянно пытался забыть их раз и навсегда.

– Конечно видел. Эту девчонку многие запомнили, и неудивительно. Но никто её не знает. Никто не приглашал её на вечеринку. – Он на секунду замолчал. – Может, она забрела к нам случайно? Может, выискивала себе жертву? И нашла тебя.

«Наконец-то я тебя нашла, Квинн Йонатан Юри Александер фон Аренсбург». Нет, она не случайно забрела, а пришла туда именно ради меня».

– Ты что-нибудь помнишь? – спросил Лассе. – Ты говорил с ней ещё раз? Что она с тобой сделала? – Его лицо расплывалось у меня перед глазами. Чем ближе он придвигался, тем сложнее мне было сфокусировать взгляд. Вот только что у Лассе появились две пары мерцающих бровей, одна под другой.

– Никаких наркотиков она мне не давала, – пробормотал я. – У неё, кажется, другие неприятности. Там вдруг появился какой-то странный тип, который ей угрожал. Я подслушал их разговор, пока был наверху в ванной, а потом выпрыгнул из окна и помог ей сбежать через наш лаз в заборе. Этот тип был не один... («...а в сопровождении ещё двоих угрожающих преследователей, и вдобавок волка-монстра и какого-то огромного существа с крыльями».) – Эту часть истории я произнёс про себя. – Её преследовали и другие неприятные ребята, – сказал я вслух. – Они охотились и за мной, поэтому я и оказался под колёсами машины.

– С ума сойти. – Несмотря на мой облегчённый вариант истории, в голосе Лассе прозвучали недоверчивые нотки. Тут я порадовался, что умолчал о волке. – Похоже на сцену из фильма.

«Да уж, и гораздо более фантастического, чем ты думаешь».

– Я знаю. – На моей руке вздулась манжета тонометра. – Не знаю, удалось ли этой Ким сбежать от преследователей. Я почти сразу упустил её из виду.

– Может, Ким – это вообще не настоящее имя. Я пробовал её найти. – Лассе вздрогнул от пронзительного звука тонометра. Он с испугом поглядел на экран над моей кроватью. – Ой, там быстро мелькает какая-то жёлтая точка.

– Это всего лишь уровень кислорода в крови, – успокоил его я. – Когда мне измеряют давление, то на несколько секунд затрудняется кровоснабжение в пальце, на котором закреплён прибор, измеряющий сатурацию. – В доказательство я поднял указательный палец, на конце которого загорелась красная лампочка. – И как, успешно? Нашёл?

Лассе отрицательно покачал головой:

– Сам погугли «женщина с синими волосами»... – Раздражающее пиканье прекратилось, но Лассе по-прежнему выглядел испуганным и растерянным. Он смотрел мимо меня на монитор над кроватью. – В тот вечер я прошерстил интернет и газеты в поисках похожих инцидентов и аварий, которые могли бы быть каким-то образом связаны с твоим случаем. Всё напрасно. Тогда я пошёл к Гюнёру из лавки с шаурмой, попытался что-нибудь у него выведать, но он не видел никакой синеволосой девчонки. Точнее, он вообще ничего не видел, хотя именно он пустил слух про куски мозга и ухо на проезжей части. Кстати, я страшно рад, что это оказалось просто враньём. – Его глаза снова наполнились слезами. Он попытался взять себя в руки и поспешно продолжил: – Я обошёл несколько парикмахерских, везде спрашивал, не знают ли они красотку с короткими синими волосами по имени Ким... Может, это не самая блестящая идея, но мне надо было что-то предпринять. Полицейские не захотели создавать фоторобот по моему описанию. – Он криво улыбнулся. – Это вообще разочаровало меня больше всего. Они совершенно не заинтересованы в том, чтобы расследовать твоё дело.

Тут не поспоришь. Для полиции я был всего лишь идиотом, легкомысленным тинейджером, который по непонятным причинам, а может, под действием алкоголя или наркотиков занимался паркуром посреди улицы и сам полез под машину.

– Наверное, дело уже давным-давно закрыли, и женщина, которая меня сбила, не будет признана виновной. Понятия не имею, есть ли у моих родителей страховка, которая покрывает эти расходы, или им пришлось платить из собственных сбережений. Они лишь повторяют, что это не мои заботы, что всё хорошо... – Я вздохнул.

Лассе в знак поддержки вздохнул вслед за мной:

– Я поклялся, что ты не был пьян. И что ты никогда по доброй воле не бросился бы под машину.

– Спасибо, – растроганно сказал я.

«Может, всё-таки рассказать ему о волке и обо всех странных вещах, которые сказала синеволосая? Кто ещё мне поверит, как не лучший друг».

Но, с другой стороны, я сам себе уже не очень верил. Мне так хотелось залезть в интернет и поискать всё, что я пока помнил из того вечера. В мыслях я прокручивал все события снова и снова, боясь, что забуду: «Венаторес, Капите, Сири...» Но до вчерашнего дня я даже не мог взять в руку телефон, не говоря уже о том, чтобы набирать текст или читать.

Из коридора послышался писк приборов. Сейчас это был тревожный сигнал, который отозвался долгим эхом. И по коридору последовали быстрые шаги медсестёр.

– Это хуже, чем пожарная сирена, – сказал Лассе.

– Скорее всего, в соседней палате кто-то двинул кони. – Я повернул голову в сторону и попробовал выглянуть в коридор. – Если они так бегают, это всегда что-нибудь серьёзное.

Лассе громко сглотнул:

– Ох, дружище. Куда же тебя занесло. Настоящий фильм ужасов. Я просто не понимаю, как это могло произойти. Правда, последние три с половиной недели были худшими в моей жизни. Худшее Рождество, которое я когда-либо проводил.

– Да ну, а вот у меня вполне ничего. Я лежал себе в коме. Под болеутоляющими. Крутая штука.

Я тут же пожалел о своих словах. На лице Лассе, хотя оно и расплывалось у меня перед глазами, отразилась смесь заботы и чувства вины. Кажется, шутить было пока рановато.

– Мне жаль, – поспешно сказал Лассе. – Я полный идиот. Ты лежишь здесь, такой худой, глаза бегают, повсюду торчат эти трубки, весь переломан, в шрамах, только что находился на волосок от смерти, а я тут сижу и жалею себя. Просто знай, что для нас это тоже было нелёгкое время. Мы... – Он кашлянул. – Я так боялся, что потеряю своего лучшего друга...

Сейчас он больше не смотрел мне в глаза, а уставился куда-то в пол. Возможно, как раз в ту точку, где под кроватью болтался мешок для сбора мочи.

«Вот кошмар».

– Бегающие глаза – это нистагм, – смущённо пояснил я. – Если повезёт, скоро пройдёт.

«А если нет, могу попробовать себя на роль в фильме ужасов...» – хотел добавить я, но в этот момент кто-то с криком ворвался в комнату:

– Хельга! Хельга здесь?

Это был какой-то лысый старик, босой, в больничном халате. Наверное, тоже пациент этой больницы. Какой-то невменяемый пациент.

– Где моя жена? – спросил он. – Она меня заберёт отсюда.

Обычно в реанимации больные не бегали вот так по коридорам, они лежали полностью обездвиженные под своими мониторами, хорошо ещё, если могли самостоятельно дышать. Скорее всего, он забрёл сюда из другого отделения, может, прямо из хирургии.

– Вы ошиблись палатой, – объяснил ему я и нажал на кнопку вызова у кровати.

– Что? – спросил Лассе.

– Она мне обещала. Она хотела меня забрать. – Старик обернулся и вышел из комнаты, бормоча что-то себе под нос и блеснув на прощание лысиной.

Я взволнованно повернулся к Лассе:

– Думаешь, он сбежал с операционного стола?

– Кто? – спросил Лассе.

– Да этот голый дед, – тихо ответил я.

– Какой ещё дед? – Лассе непонимающе нахмурил лоб.

– Ну этот... – И тут до меня вдруг дошло, что Лассе вовсе не шутил, он действительно не понимал, о ком я говорю. Он не видел и не слышал этого лысого старика.

Я отпустил кнопку вызова, вдруг почувствовав, что меня знобит.

Датчик снова запищал. Наверное, пульс. Когда он становился чаще ста двадцати ударов в минуту, включался оповещающий сигнал. Я попытался успокоиться и стал глубоко дышать.

Лассе всё ещё ждал моего ответа. Его взгляд тревожно перебегал с монитора на меня и обратно, поэтому я не нашёл ничего лучшего, чем спросить первое, что пришло мне в голову, стараясь его отвлечь:

– Как там дела у остальных? Видел Лилли?

– Что? – Лассе ещё не пришёл в себя из-за сигналов датчика и разговоров о голом старике. – Ах да, конечно, все передавали тебе привет. Наверное, они и сами тебе писали, но твоя мама сказала, что ты пока не можешь пользоваться телефоном из-за глаз, мелкой моторики и всякого такого.

Пока Лассе продолжал болтать, я изо всех сил убеждал себя не смотреть в коридор, по которому по-прежнему блуждал старик, выкрикивая имя Хельги и бормоча что-то себе под нос.

Лассе вздохнул:

– Тебе понадобится дня три, не меньше, чтобы прочитать все сообщения. Только мои. В последние дни, когда было ощущение, что ты, скорее всего, не выживешь, я писал тебе каждый час. Можешь удалить всё это одним махом, просто грустная глупая писанина. Мне казалось, что когда я тебе пишу... Я боялся, что если вдруг перестану писать, то ты... – Он поспешно смахнул с лица слёзы.

– Очень хочу всё прочитать.

Наконец бормотание старика стихло. Мой датчик тоже больше не пикал. Наверное, пульс нормализовался. Я в изнеможении закрыл глаза.

Это были не просто проблемы со зрением, а настоящие галлюцинации. Я видел и слышал вещи, которых не существовало и существовать не могло. Волки и огромные птицы, охотившиеся на людей посреди города. Лица, с интересом наблюдавшие за мной из окна. Двигающиеся татуировки. Полуголый старик, который искал Хельгу.

– Мне поручили разузнать, когда Лилли может тебя навестить, – сказал Лассе. – Твоя мама пока никого не хотела пускать...

– Ох... – Я снова открыл глаза.

Впервые с тех пор, как я вышел из комы, я вспомнил, что до сих пор не расстался с Лилли. Официально мы по-прежнему были вместе! На какой-то момент я задумался, может, стоит попросить Лассе порвать с ней за меня? Но это, наверное, ещё более невежливо, чем закончить отношения по телефону. Может, попросить маму позвать Лилли в больницу? Вытаращить вращающиеся сами по себе глаза и рассказать ей о своих диких галлюцинациях? Тогда она точно сама меня бросит. Вид мешка с мочой довершит картину.

Я повернул голову к окну и уставился прямо в кривое лицо, которое приветливо улыбалось мне из-за стекла. Через несколько секунд лицо расплылось и превратилось в обычный ствол дерева.

«Это же нечестно! Почему мой идиотский мозг подбрасывает мне именно такие галлюцинации? Я ведь и фантастикой не увлекаюсь. Если в книгах, играх и фильмах мне попадает всякий бред о волшебных палочках, супергероях, домах с привидениями или заколдованных мечей, я тут же теряю всякий интерес. Такая далёкая от реальности чепуха меня просто не интересует».

– Там ужас что творится! – Мама вернулась с прогулки. – Они пытаются спасти старика из пятой палаты.

«Да, знаю, он недавно заходил. Лысый такой, а его жену, наверное, зовут Хельга. На моё счастье, он заглянет сюда ещё раз».

– Пожалуйста, напомни мне сделать завещание, чтобы меня ни в коем случае не оживляли, если у меня остановится сердце, когда мне будет девяносто и меня привезут в реанимацию. – Мама размотала свой пёстрый шарф и взглянула на монитор. – Сто один... Почему у тебя такой высокий пульс, малыш? Снова поднялась температура? Позвать медсестру? Может, рано было пускать к тебе друзей...

– Да, наверное, – сказал Лассе. Он совершенно поник. – Мне так жаль. Я думал, что он... Он выглядит... как будто...

Я снова закрыл глаза.

– Не совсем пришёл в себя, – услышал я шёпот Лассе.

– Чепуха, – прошептала в ответ мама. – Но думаю, тебе лучше сейчас пойти домой.

– Со мной всё в порядке, – соврал я. – Просто устал. («И вот-вот сойду с ума».)

Если быть точным, галлюцинации начались ещё до черепно-мозговой травмы. Значит, либо я уже сошёл с ума, либо все эти вещи действительно существуют. Сложно сказать, какой из этих двух вариантов мне нравился меньше.

– Всё будет хорошо. – Лассе попытался придать своему голосу уверенность, но я слышал, насколько он на самом деле растерян. – Просто надо немножко потерпеть.

» 4 « Матильда

Я подняла руку, чтобы позвонить в дверной звонок. Рука больше не дрожала, но совершенно спокойной назвать меня тоже было сложно.

«Какая же я всё-таки дурочка. Они просто откроют дверь, и я просто протараторю свою обычную речь, которую произносила уже десятки раз: “Я собираю пожертвования на похороны госпожи Якоб из одиннадцатого дома”, и посмотрю на их реакцию. Может, невзначай поинтересоваться, как там дела у Квинна?»

Спрашивать об этом Лассе я не решалась. В последнее время он только раздражённо огрызнулся, когда кто-то пытался выяснить подробности о здоровье Квинна.

– Сама подумай, как дела у человека, которому разmozжило голову, – неприветливо ответил он в прошлый понедельник, когда мы с Юли заговорили с ним в школьном коридоре. То есть это Юли с ним заговорила, а я стояла рядом как истукан и старалась выглядеть дружелюбной.

Мне казалось, что с Юли он будет более разговорчив, потому что до аварии Лассе довольно активно проявлял к ней интерес, вовсю флиртовал и строил глазки. Да и приглашение на день рождения мы получили именно потому, что Юли ему так нравилась. К сожалению, сейчас от этих чувств не осталось и следа. Лассе смотрел на нас довольно враждебно.

Между нами протиснулась Аврора, чтобы положить рюкзак в свой шкафчик. Мрачной физиономии Лассе она, казалось, вовсе не заметила.

– Правда, что у Квинна на лбу теперь шрам в форме молнии? – спросила она. – И правда, что он навсегда останется в инвалидной коляске? Бедняжка...

Тут в разговор вмешался Гереон Майер:

– Я слышал, что Квинн научился разговаривать и ведёт себя как маленький ребёнок, это так?

– А я слышал, что один идиот, который верит всему, что говорят, получил по шее, – прошипел Лассе. – Как же мне надоели эти бесконечные вопросы в стиле жёлтой прессы! Постыдились бы хоть немного.

Что я тут же и сделала. Может, моё ненормальное любопытство по поводу состояния Квинна – это вовсе не «нездоровая влюблённость», как её называла Юли, а просто жажда скандальных новостей? Честно говоря, оба эти чувства довольно постыдные, но жажда скандалов – это ещё и мерзость, в то время как влюблённость в того, кто вообще не догадывается о моих чувствах, – просто глупость. Этого я, разумеется, отрицать не могла. Но, с другой стороны, не так уж это было глупо, потому что на данный момент Квинн ни с кем не встречался.

Уже давно поползли слухи о том, что между ним и Лилли Гольдхаммер всё кончено, только вот было непонятно, кто именно был инициатором разрыва. На этот счёт существовало несколько версий.

От Юли не так-то просто было отделаться. И она как ни в чём не бывало продолжила разговор с Лассе:

– Но лучше спросить лучшего друга Квинна, чем верить слухам и распространять их, как думаешь? – тихо спросила она.

Вдруг глаза Лассе наполнились слезами. Мы почувствовали себя ещё более неудобно.

– Квинн не хочет никого видеть в реанимации, даже своего лучшего друга, – выдавил он. – Я знаю только, что еда там противная. В основном он отвечает смайликами, может, поэтому все думают, что он научился говорить. Вот! – Он резко вытащил телефон из кармана и протянул нам. Сообщение представляло собой смайлик человечка, который пожимает пле-

чами. У него было искривлённое лицо с узкими глазками и высунутым языком, смеющееся фиолетовое лицо с рогами и большой палец, указывающий вправо. – Ну всё, теперь вы в курсе последних событий. – Лассе вздохнул, развернулся и быстро зашагал прочь. Мы с Юли ошарашенно проводили его взглядом.

После долгого молчания Юли первой обрела дар речи и пробормотала:

– Смайлик с глазами в потолок. Думаю, его лучше больше не спрашивать.

– Это точно, – поддакнула Аврора. – Такой грубый. Мы же просто... – Она замялась.

– Любители скандалов? – спросила Юли.

– Обеспокоенные друзья, – ответила Аврора.

– Это всё же лучше, чем безразличие, – добавил Гереон, и Аврора наградила его благодарным взглядом.

Он наклонился к Авроре:

– Эта версия со шрамом в форме молнии подтверждает слух, что ему удалили лобную долю, – пробормотал он.

– Иди-ка ты лучше домой и распечатай ему новую лобную долю, – предложила я. – И себе заодно.

Но Гереон меня уже не слышал. Он погрузился в доверительную беседу с Авророй: они обсуждали тонкости хирургии мозга. В тот же день мы заметили, как они выходят из школьного двора, держась за руки.

«Неужели всё так просто?»

Сегодня была пятница. Два дня назад Квинн вернулся домой. Об этом я узнала от двоюродной сестры Марихен, которая рассказала на репетиции хора, как они с Луизой наблюдали за прибытием Квинна домой из окна кухни. Его вытащили из машины на инвалидной коляске, но затем он взял костыли и с их помощью преодолел две ступеньки перед входной дверью. И кстати, довольно быстро. Настолько, что они не успели найти бинокль и рассмотреть все подробности.

Квинн мог передвигаться на костылях – это было отлично. Я должна была бы порадоваться, если бы не эта нездоровая влюблённость (или жажда скандальных новостей), из-за которой мне не хотелось довольствоваться рассказами очевидцев. И когда моя мама начала сокрушаться, что не может пойти собирать пожертвования на похороны госпожи Якоб, потому что ей обязательно надо участвовать в собрании церковного совета, я, не раздумывая, выкрикнула: «Я этим займусь!»

Моя мама должна была порядком удивиться, потому что не так давно я стояла на кухне и орала: «Не позволю больше этой семье использовать меня в качестве живого ящика для жертвований!» Ну, то есть не совсем орала, скорее лепетала, но очень энергично. Но мама лишь с облегчением передала мне список, потёртый кошелёк и сказала: «Ты можешь без стеснения упомянуть о том, что её скупая племянница не желает платить за похороны! Между прочим, она единственная родственница госпожи Якоб».

Я машинально кивнула, но выставлять на всеобщий суд поступок бедной племянницы не собиралась. Госпожа Якоб была не самой приятной персоной, даже по отношению ко мне, хотя каждые понедельник и пятницу я часами катала её в инвалидной коляске по нашему району, в основном возила её за покупками. Как и все мои работы, эта тоже была бесплатной и добровольной, но госпожа Якоб её так не воспринимала. Она раздавала мне указания направо и налево и, если я недостаточно быстро пересчитывала мелочь или затаскивала её коляску на ступеньки аптеки, кричала: «Юная леди, разве я плачу тебе за то, чтобы ты тут стояла без дела и зевала?» Перед смертью госпожа Якоб завещала всё своё состояние благотворительной организации, которая заботилась о румынских бездомных собаках. Она не сильно любила собак, просто не хотела, чтобы племянница получила хоть что-то из её сбережений. Но вот на собственные похороны она могла бы хоть что-то отложить.

Перед выходом из дома я расчесала волосы, сделала хвостик и накрасила ресницы. Почему-то на моих ресницах тушь никак не желала держаться и через несколько часов всегда превращалась в мелкую чёрную крупу, рассыпанную по всему лицу.

На улице светило солнце, в садах и на кладбище уже распустились подснежники, окружив деревья зелёно-белым ковром. Я шла по дороге, наслаждаясь лучами солнца на своём лице, и переходила от одного дома к другому. Фон Аренсбургов я решила оставить на самый конец.

Мы жили в довольно большом городе, но центральная площадь нашего района, вымощенная брусчаткой, с цветущими садами вокруг каждого дома, маленькими магазинчиками и уютными кафе, церковью и скамейками под старыми липами, в которых до сих пор находили осколки времён Второй мировой, могла вполне находиться где-нибудь в центре небольшого провинциального городишки. Когда я была маленькой, мне казалось, что наша улица, а вместе с ней и площадь, церковь, все дома и лавки вокруг принадлежат дяде Томасу. А всё потому, что так он себя вёл. Во всяком случае, пока он заведовал церковной недвижимостью, наш район не смогли оккупировать салоны красоты, забегаловки с уличной едой и магазины мобильных телефонов. Больше всего дяде Томасу хотелось, чтобы всё вокруг выглядело как во времена его детства, а лучше – как во времена детства его деда.

Погода стояла отличная. Наверное, поэтому на старой улице, которая вела к кладбищу, прогуливалось много людей. Хотя, может, дело было в том, что сегодня на углу впервые открылась цветочная лавка. Сколько себя помню, здесь всегда находился скучный магазин рукоделия, но в декабре хозяйка неожиданно объявила, что собирается освободить помещение, а уже в январе заехал другой арендатор.

Новые хозяева выкрасили магазин в небесно-голубой цвет, а витиеватая вывеска, под которой располагались две переполненные самыми разнообразными растениями витрины, гласила «Ландыши и незабудки». На обратном пути я собиралась непременно заглянуть в этот магазинчик, потому что в честь открытия они обещали бесплатные цветы каждому посетителю.

Этого мужчину в клетчатой шляпе и в плаще с поясом, который медленно прогуливался по улице до кладбищенских ворот и обратно, вряд ли интересовали бесплатные цветы. В первый раз я заметила его, выходя из дома, потом он снова попался мне на глаза, когда я стояла перед домом № 3А. Вот и теперь, когда я наконец позвонила в дверь фон Аренсбургов, он медленно прошёл мимо. Его глаза из-под полей шляпы буквально просверлили меня. Я инстинктивно прижала к себе кошелек с деньгами.

– Добрый день!

Я резко развернулась. Дверь открылась настолько тихо, что я даже не услышала. Мама Квинна стояла у входа в зелёном платье в крапинку, легинсах и толстых вязаных носках в сине-зелёную полоску. В небрежно собранных на затылке волосах торчали очки, ещё одна пара болталась на вырезе платья. Мама Квинна окинула меня дружелюбным взглядом:

– Ты девочка из дома напротив, учишься вместе с Квинном в одной школе, в параллельном классе, Луиза, да? Ты по поводу дополнительных уроков географии?

Я только набрала в лёгкие воздуха, чтобы выдать мою дежурную речь, но теперь оказалась совершенно сбита с толку:

– Я собираю... Матильда! – сказала я. – Луиза – моя двоюродная сестра, и нас, к сожалению, довольно часто путают. Насколько я знаю, ни Луиза, ни Леопольд, её брат-близнец, не ходят на дополнительные занятия по географии.

– Проходи, не стой в дверях. – Госпожа фон Аренсбург подхватила меня за локоть, потянула за собой и захлопнула входную дверь.

Я тут же испытала странное дежавю. В доме Квинна мне довелось побывать только однажды, когда мне было примерно лет восемь. На Крещение мы с Леопольдом и Луизой переоделись волхвами, а Квинн и его друг (наверное, это был Лассе, но может, и нет) с криком: «Святая вода, святая вода!» – выплеснули на нас из окна ванной ведро воды. Так случилось,

что вся вода вылилась именно на меня. Я промокла до нитки. И всё это видел отец Квинна. Хулиганы, которые прятались на втором этаже, не могли удержаться от смеха, но по лицу господина фон Аренсбурга было ясно, что ему это очень сильно не понравилось. В тот момент он мне сочувствовал. Папа Квинна пригласил меня в дом и пошёл искать полотенце, отчитывая сына и его друга, которые, не переставая хихикать, выглядывали из-за перил, уверяя папу, что они целились в Леопольда, а вовсе не в меня. В тот день господин фон Аренсбург пожертвовал невероятную сумму – целых пятьдесят евро, и нам даже не пришлось петь на два голоса специально разученные крещенские песни. Мы и не смогли бы ничего исполнить, потому что Леопольд и Луиза с рёвом бросились на другую сторону улицы к моей старшей сестре, которая должна была за нами присматривать. Вид у неё тогда был очень мрачный.

Квинн пообещал отцу, что извинится передо мной, но я не помню, чтобы это действительно произошло. К нам он точно не заходил. Наверное, его извинения достались Луизе. С тех пор на Крещение волхвы обходили дом № 17 стороной. Он пополнил чёрный список сразу после женщины, жившей над аптекой и носившей на шее живых змей, а также после господина, который распахнул перед нами дверь совершенно голым. Чёрный список должен был перейти по наследству следующим поколениям крещенских волхвов.

И вот я снова оказалась в этой прихожей. Когда я побывала здесь впервые, стены были цвета спелой земляники, а сейчас – цвета шалфея, что отлично сочеталось с платьем госпожи фон Аренсбург.

Мама Квинна смотрела на меня, склонив набок голову, и до меня только что дошло, что я до сих пор не сказала ничего внятного.

– Э-э-м-м, я тоже хожу на дополнительные занятия по географии, но в другую группу, а вообще-то я... госпожа Якоб из одиннадцатого дома... – бессвязно бормотала я.

Госпожа фон Аренсбург рассмеялась:

– Лучше зайди к Квинну и объясни ему всё сама. Пошли.

Я понимала, что выгляжу и поступаю совершенно по-идиотски, и тем не менее последовала за госпожой фон Аренсбург. Как во сне я прошагала мимо гардеробной и инвалидной коляски Квинна, а затем поднялась по лестнице на второй этаж. Несколько раз я безуспешно попыталась всё-таки объяснить «настоящую» причину моего визита. Но госпожа фон Аренсбург болтала без умолку и так громко, словно вдруг стала хуже слышать:

– Квинн вернётся в школу только после пасхальных каникул, не раньше, но учителя обещали передавать ему все учебные материалы, чтобы он не остался на второй год. Он делает невероятные успехи. Такое счастье, что он снова дома. Врачи говорят, что скорость, с которой он выздоравливает, – настоящее чудо. Но сам он недоволен и хочет, чтобы всё происходило ещё быстрее. Тем не менее придётся смириться, что последствия аварии будут чувствоваться месяцы или даже годы. Ах, если бы можно было просто повернуть выключатель: раз – и ты снова совершенно здоров! К сожалению, обширное повреждение мозга быстро не восстанавливается.

На втором этаже мама Квинна остановилась и подождала, пока я её догоню. Затем она положила мне руку на плечо и стала подталкивать вперёд по коридору. Нежно, но уверенно, будто я была игрушечной уткой на колёсах, которую малыш толкает вперёд, а она катится и издаёт смешные звуки, похожие на «флап-плап-плап». При этом госпожа фон Аренсбург ни на секунду не прекращала болтать. Мои попытки что-то объяснить оставались без внимания. Кроме обрывков фраз: «Я хотела...» или «На самом деле я...», мне ничего сказать не удалось.

– Он думает, что жизнь замерла и продолжится, лишь когда он снова станет таким же спортивным и красивым, каким был до аварии. И что в своём нынешнем состоянии он обуза для друзей.

Когда госпожа фон Аренсбург подтолкнула меня к открытой двери в конце коридора, мы с ней резко остановились ровно в двух метрах от Квинна, который сидел на стуле и смущённо на нас поглядывал.

– Я не могу допустить, чтобы он закрылся от мира, – упрямо закончила свою тираду госпожа фон Аренсбург. – Жизнь не будет ждать, пока всё снова станет идеальным. Каждый день – это праздник, подарок судьбы!

Квинн сидел за письменным столом перед открытым ноутбуком. Рядом на столе лежала укулеле. Из двух больших окон было видно кладбище.

После стольких недель непрерывных мыслей и страданий наконец увидеть Квинна казалось чудом. Да, теперь его волосы были очень короткими, лицо осунулось и стало более угловатым, под глазами появились тёмные круги. Но это был всё тот же Квинн, живой! Я почувствовала, как, помимо моего желания, уголки губ растягиваются в улыбке. Как же здорово было его видеть!

Мои чувства, конечно, никакого отклика не нашли.

– Мама, – сказал Квинн, при этом его голос прозвучал укоризненно и одновременно снисходительно.

Дверь его комнаты всё это время была открыта, поэтому он наверняка слышал каждое слово, и я поняла, что его мама на это и рассчитывала.

– Сын, – отозвалась она с точно такой же интонацией.

– «Каждый день – это праздник, подарок судьбы!» – с издёвкой повторил он. – В каком цитатнике ты это вычитала?

– Сама только что придумала, – с достоинством парировала мама.

– Я прекрасно понимаю, что ты хочешь мне что-то доказать, но зачем тащить с улицы ко мне в комнату первого попавшегося человека? – Квинн указал на меня. – Ты вообще понимаешь, что это одна из «Наказаний Господних» из дома напротив?

«Что-о-о-о?»

– Она же не молиться к тебе пришла, – ответила мама Квинна и улыбнулась мне. – А принесла тебе задание по географии. С её стороны очень мило, правда ведь?

Я почувствовала, как – с запозданием – краснеют мои щёки. Мне так никто и не дал высказаться.

– На самом деле я собираю... – начала было я, но мама Квинна опять меня перебила.

– Я побежала на кухню шинковать капусту, – объяснила она, снова переходя на громкий фальцет, и поспешно вышла из комнаты. – Рождество Квинн провёл в реанимации, поэтому теперь надо восполнять пробелы. Сегодня на обед будет краснокочанная капуста с клёцками и апельсиновым соусом. А на десерт – взбитые сливки с корицей. – Она действительно очень спешила, слова «сливки с корицей» донеслись уже откуда-то с лестницы. – Дайте знать, если вам что-то понадобится. Или если увидите мои очки. Куда же я их дела?

Я медленно развернулась лицом к Квинну. Мы оказались с ним в одинаково неловкой ситуации. Он тоже глядел на меня растерянно, будто не знал, что ему сейчас сказать или сделать. Так странно было находиться в его комнате... Даже не знаю, какой я её себе представляла, но точно не такой стильной. Она оказалась совсем не пёстрой, каким был весь дом фон Аренсбургов. Комната была выдержана в сине-бело-серых тонах, всё здесь выглядело новым, как после ремонта. В этой комнате поместилось бы три моих комнатухи, а о такой большой кровати с пружинным блоком, украшенной подушками, я могла только мечтать. На серо-белом покрывале свернулась калачиком и беззаботно спала рыжая кошка. Она и подвеска из папье-маше, которая, наверное, олицетворяла Солнечную систему, были единственными цветными пятнами, выбивающимися из общей гаммы.

Я решила прервать тишину и подняла в воздух дурацкий кошелёк с деньгами:

– Это недоразумение, никакого задания по географии я тебе не принесла. Я просто собираю пожертвования на похороны госпожи Якоб.

– Понимаю. – Квинн скрестил руки на груди. – И если уж ты здесь оказалась, то подумала, не заглянуть ли, посмотреть, как там дела у этого типа с черепно-мозговой травмой. Правда ли, что у него теперь косоглазие?

Неправда, это я уже проверила. И никакого шрама в виде молнии на лбу тоже, конечно же, я не увидела. Но вся голова Квинна была усеяна шрамами, они просвечивали через короткий «ёжик». На шее красовался ещё один вздутый красный шрам.

– Ага, точно, – ответила я. – Кроме того, я хотела проверить, остался ли этот тип таким же самовлюблённым идиотом, как и раньше. И вот – пожалуйста! Он ни капли не изменился. – Мои слова прозвучали совсем не так колко, как я задумывала. Возможно, потому, что в душе я очень обрадовалась, что Квинн остался прежним, пусть на костылях и со шрамами.

– Ну так, приятно было поболтать... – Квинн прищурил глаза и смерил меня холодным взглядом.

– Матильда, – подсказала я, хотя у меня в голове на секунду промелькнула идея просто выдать себя за Луизу.

Он молчал. Наверное, ждал, пока я уберусь из его комнаты, и, возможно, я бы так и поступила, постаравшись незаметно прошмыгнуть мимо госпожи фон Аренсбург. Но мне хотелось достойно закончить эту перепалку. Вот бы сейчас указать на укулеле и небрежно бросить: «Я тоже играю». Однако это показалось мне слишком приторным. К тому же я училась играть на укулеле в христианском детском лагере, поэтому могла без ошибок исполнить только «Jesus in my house»², но Квинну бы эта песня вряд ли понравилась.

Мой взгляд упал на экран ноутбука:

– Как бы там ни было, прости, что помешала... – На экране я увидела картинку с двумя женскими головами: длинные волосы, мученические взгляды, короны на головах, а ниже груди у женщин были туловища птиц. – Помешала делать домашку по истории искусств.

Квинн окинул изображение на экране задумчивым взглядом:

– Это «Сирин и Алконост». – Он на минуту запнулся. – Картина Виктора Васнецова. Тысяча восемьсот девяносто шестой год.

Я повнимательнее вгляделась в изображения женщин-птиц.

«И почему ему сейчас вздумалось любоваться этой картиной?»

– Вид у них довольно угрожающий, – произнесла я, чтобы хоть как-то отреагировать.

– Да, – сказал Квинн скорее самому себе, чем мне. – С такими лучше не встречаться в тёмном переулке.

– Такое чудовище мне уже попадалось на глаза. На нашем кладбище, – вспомнила я. – Над входом в один склеп.

– Что, правда? – Квинн вдруг очень заинтересовался моими словами.

– Абсолютно точно. На склепе семьи Кёниг. На нём есть капитель с двумя кошками, у которых одна голова. А над ними сидят огромная птица с головой женщины вместе с ангелом, который выглядит довольно милым, пока не рассмотришь, что у него руки скелета, а букет, который он держит, состоит из маленьких черепов, – выпалила я.

Хорошо хоть, что смогла сдержаться, чтобы не добавить: «Люблю такие вещи!»

Я почувствовала, что начинаю краснеть ещё сильнее.

«Ну что мне с собой делать? Теперь он, наверное, считает меня ещё и заучкой, потому что я знаю, что такое капитель».

² «Иисус в моём доме» (англ.).

Мне очень хотелось продолжить свой рассказ, поделиться тем, что я с радостью поддержала инициативу дяди Томаса, чтобы наше кладбище стало лучше, и подготовила доклад на тему «Различие между гранитом, мрамором и песчаником».

– М-м-м, – в итоге пробормотала я. – Эти старые могилы иногда оказываются настоящими загадками.

Квинн повернул голову к окну и ничего не ответил.

Я подождала несколько секунд, затем ещё несколько. Непонятно, на что я надеялась. Наверное, что земля разверзнется... и я просто исчезну.

Но Квинн, казалось, совершенно забыл о моём существовании. Его взгляд застыл на кладбище, которое виднелось за окном. Наконец я покрепче схватила кошелек и развернулась к двери.

– Желаю скорейшего выздоровления, – пробормотала я.

– Подожди! – окликнул меня Квинн.

» 5 « Квинн

Она остановилась и медленно развернулась:

– Это ты мне?

«Кому же ещё, тугодумка? Можно подумать, тут стоит ещё десяток девчонок, и все они болтают без умолку».

Я откашлялся:

– Раз уж ты здесь, может, поможешь мне? – спросил я. К сожалению, всё моё нежелание общаться прекрасно отразилось в голосе.

«М-да, дожили, приходится просить о помощи, да ещё кого – одну из “Наказаний Господних”. Вот это поворот».

Но ничего лучшего мне в голову не пришло.

– Ладно, – сказала она.

«“Ладно?” Как-то она слишком быстро согласилась. И чему она так радуется? Наверное, стоило ещё немного подумать, прежде чем начинать болтать».

Посвящать в мои поиски Лассе, например, оказалось очень глупой идеей, но сейчас я, возможно, находился на волосок от ещё более фатальной ошибки. С другой стороны, кто-то должен катить мою коляску, и чем меньше этот кто-то обо мне знает, тем лучше. Это я понял вчера, после того как Лассе наябедничал моей маме, что я попросил его сфотографировать одну надпись на могиле. Теперь мои родители считают, что я присматриваю пример надписи на собственной могильной плите, и сильно беспокоятся о моём душевном состоянии. Папа притащил мне из издательства аудиокнигу «Отличные причины, чтобы остаться в живых» и повторил как минимум трижды, что очень меня любит. Мама тоже подключилась: даже не спросив меня, перенесла занятие по лечебной физкультуре и вместо этого назначила встречу с противным психотерапевтом.

«Вот уж спасибо, Лассе, удружил!»

Лечебная физкультура была единственным занятием, всегда долгожданным. А всё из-за чудесного физиотерапевта Северина Зеленко, который занимался со мной ещё в больнице. Он требовал от меня слишком многого. Иногда после наших встреч я чувствовал себя как выжатый лимон, но Северин был единственным, кто с самого начала вселил в меня веру в то, что в один прекрасный день я снова смогу заниматься паркуром. Как раз благодаря тому, что он не относился ко мне как к хрустальной вазе, я очень любил наши встречи.

Мне очень хотелось объяснить родителям, почему меня так заинтересовала эта надпись на могильной плите, но это взволновало бы их ещё больше. И испугало. Я сам до сих пор не мог успокоиться, когда вспоминал позапрошлую ночь.

Я проснулся в три часа и не сразу вспомнил, что нахожусь дома, в собственной постели, а не в реанимационной палате. Несколько минут я просто испытывал невероятный прилив благодарности. В реанимации мне никогда не удавалось побыть одному в комнате: кто-то из пациентов всё время звал медсестру, всю ночь из коридора доносились шаги и крики. Как же чудесно просто побыть в тишине! А какой прекрасный здесь запах свежего белья с лёгким ароматом лаванды. Одним словом, просто запах дома.

Ромашка свернулась у изножья кровати, словно я никуда не отлучался. Когда я осторожно сел, она замурлыкала.

Мама с папой настояли, чтобы дверь их спальни ночью оставалась открытой на тот случай, если мне понадобится помощь. Кроме того, они установили на тумбочке возле кровати звонок. Такой можно увидеть на стойках регистрации в гостинице, по крайней мере в фильмах.

Если хлопнуть по нему рукой, он начинал так жутко дребезжать, что вполне способен был бы разбудить медведя во время зимней спячки. Я убедил родителей, что в больнице ковылял до туалета и обратно без посторонней помощи. Но они бы наверняка тут же прибежали, если бы услышали, что я встал с кровати.

Я подождал, пока мозг остановит карусель, которую он запустил перед моими глазами, и как можно тише перебрался с кровати на стул рядом с письменным столом.

Свет я решил не включать.

Скользя по ковру на стуле, я медленно продвигался к двери, затем ухватился за дверную раму и привстал. Продвинул стул через порог и так постепенно «доехал» до ванной. Этот способ я освоил в совершенстве. И в отличие от ковыляния на идиотских костылях, так меня никто не слышал.

Перемещался я с таким трудом даже не из-за множественных переломов правой стопы, а потому что у меня всё время кружилась голова и левая сторона тела до сих пор была не очень-то дееспособной. Если не сосредотачиваться на движении, моя левая нога просто отгибалась в сторону или застывала, будто я напрочь разучился ходить. В таком состоянии рассказы о том, что когда-нибудь я снова буду бегать или делать сложные трюки, казались настоящей сказкой, но Северин каждый раз уверял меня, что я делаю большие успехи. Мне и самому так казалось. Несколько недель назад я и представить себе не мог, что смогу самостоятельно садиться, а вот сегодня дошёл до туалета без посторонней помощи. Какой прогресс! Разве что немножко зашатался на обратном пути, но тут же это почувствовал и смог удержать равновесие. Я даже испытал особое чувство гордости, когда снова оказался за письменным столом. От напряжения на лбу выступили капли пота, но я почти не запыхался. Упорные тренировки не прошли впустую.

Впервые за несколько недель у меня зародилась надежда, что действительно всё может закончиться хорошо. Я был дома. С каждым днём у меня получалось всё больше. Правда, из кустов и деревьев до сих пор выглядывали лица, но теперь они казались знакомыми, будто я просто забыл, что они были там всегда.

В интернете я нашёл много материала о галлюцинациях. Благодаря многочисленным анализам, МРТ и КТ, которые мне сделали, можно было исключить версию об опухоли или воспалении головного мозга. Такие вещи врачи заметили бы на снимках. Путём логических рассуждений я также исключил деменцию, белую горячку и депрессию. Моё настроение, конечно, блестящим не назовёшь, но согласно тесту, который я прошёл в сети, до клинической депрессии мне было далеко, как до Луны пешком. Этот тест не присвоил мне ни единого депрессивного бала. Просто жизнь не удалась, вот и всё. «Доктор» интернет среди возможных причин галлюцинаций называл также шизофрению, параноидальное и маниакальное расстройство. Но если бы я страдал манией, это проявлялось бы в эйфорическом настроении и завышенной самооценке. А это абсолютно не подходило к описанию моего состояния. Шизофрению и паранойю я бы тоже исключил: я совершенно не чувствовал себя ни шизофреником, ни параноиком, но часть симптомов подходила идеально. Для диагностики этих болезней я тоже нашёл тест в интернете, и некоторые вопросы очень испугали меня своей точностью.

«Возникает ли у вас иногда чувство, что рядом с вами находится ещё кто-то, хотя на самом деле вы в одиночестве?»

Кажется ли вам, что вы видите или слышите что-то, чего не существует?

Кажется ли вам, что ваше воображение и органы чувств играют с вами в игры?

Ощущаете ли вы, что предметы вокруг вас меняют форму и размер?

Сторонитесь ли вы в последнее время своих коллег, друзей, одноклассников?»

На все эти вопросы я, к сожалению, ответил «да».

Что касается моего отстранённого поведения по отношению к друзьям, меня просто убивала их жалость, которую они так неумело скрывали. Все обращались со мной как с хрусталь-

ной вазой и больше не воспринимали равноправным членом команды. Даже мой лучший друг глядел на меня округлившимися от страха глазами. А после случая со стариком в реанимации Лассе, кажется, считал, что у меня не все дома. Возможно, он был прав. Мы даже пообщаться нормально не могли, Лассе всё время с опаской озирался по сторонам.

Я размышлял, не рассказать ли о моих галлюцинациях психологине, которую мама приставила ко мне ещё в реабилитационном центре. Но затем всё-таки передумал. Во-первых, эта женщина не внушала мне большого доверия, а во-вторых, я верил, что всё образуется, что всё само собой пройдет. Да и полностью исключить возможность того, что это никакие не галлюцинации и эти странные вещи происходят на самом деле, я не мог. Хотя именно так думал бы настоящий сумасшедший. Это какой-то замкнутый круг.

Стараясь как можно тише пересест на кровать, я выглянул в окно. Деревья, как ни странно, в порядке исключения выглядели сегодня просто как деревья.

Станным было лишь одно – я вдруг понял, что различаю все малейшие детали: каждую щель на ветке, даже текстуру древесины, каждую мелочь, будто оконное стекло вдруг превратилось в гигантскую лупу. В довершение ко всему стояла полнейшая темнота, и моё суперзрение казалось ещё более странным. Я вдруг понял, что идеально вижу все предметы в коридоре и в туалете, не включая свет.

Моё прекрасное настроение вмиг испарилось.

«Что со мной происходит? Неужели можно надумать себе суперспособности? А может, я просто сплю?»

На всякий случай я изо всех сил ущипнул себя за локоть. Было больно.

Вместо того чтобы лечь в кровать, я подъехал на стуле к письменному столу, который стоял возле окна. Сквозь деревья было видно кладбище. А на кладбище стоял он... Тот самый человек в шляпе, который в ту злосчастную ночь натравил на нас с синеволосой волка и гигантскую птицу.

Вообще-то я не мог его видеть, мужчина стоял очень далеко, а вокруг было слишком темно, даже чтобы различить расплывчатые очертания, не говоря уже о чёткой картине, которую видел я. И тем не менее я мог разглядеть каждую складку на его плаще, форму пуговиц, коричнево-бежевый рисунок в косую клетку на шляпе и каждую черту лица, до последней волосинки его щетины.

Он неподвижно стоял на аллее кладбища и не отрываясь смотрел в моё окно. Его глаза были жёлтыми, как у хищной птицы или как у волка, который в тот вечер поджидал меня среди кустов. Мне стало ясно, что в этот момент мужчина видит меня так же отчётливо, как и я его, потому что рот незнакомца растянулся в мерзкой улыбке.

У меня сразу пересохло в горле. Мужчина сделал шаг в сторону, теперь я увидел могилу, которая скрывалась за его спиной. Насмешливо поклонившись, он будто приглашал меня прочесть надпись на надгробии. Для моих орлиных глаз это было проще простого.

«Твои дни сочтены» – гласило высеченное в камне изречение. Выражение лица мужчины не оставляло ни малейшего сомнения в том, что это выражение он выбрал не случайно и мне следовало воспринимать его как угрозу. Я снова вспомнил его странный скрипучий голос, без труда представив, как он сам произносит эти слова: «Твои дни сочтены, мальчишка».

Будто удостоверившись, что его послание принято, мужчина снова поклонился и медленно скрылся из вида в глубине кладбища.

Невероятным усилием воли я подавил в себе желание тут же постучать по звонку у кровати, чтобы немедленно разбудить родителей: «Мама! Папа! Злобный дедуля в шляпе сейчас на кладбище, он знает, где я живу!»

Пульс участился, и мне понадобилось несколько минут, чтобы снова взять себя в руки. Я подъехал к кровати и лёг. Ромашка, потянувшись, перебралась с конца кровати поближе к

центру и легла мне на грудь. Я машинально её погладил. Мирное урчание кошки постепенно меня успокоило, и через некоторое время я даже заснул.

На следующее утро мои суперспособности исчезли. Вокруг было совершенно светло, но различить надпись на надгробии я не мог. Да и вообще сложно было сказать, есть ли там хоть какая-то надпись. Поэтому я попросил Лассе (который зашёл ко мне без предупреждения и замер у моей кровати, лишь изредка с хрустом разминая пальцы и бросая на меня жалобные взгляды бедного оленёнка) сфотографировать для меня это надгробие по дороге домой. Оказалось, что это могила некоего Германа Кранца, который умер в 1952 году. А надгробная надпись – какая неожиданность! – гласила: «Твои дни сочтены».

Я даже почти обрадовался. Конечно, вселяет страх и ужас, но для меня в этом было ещё и доказательство, в котором я так нуждался: доказательство того, что я не сошёл с ума. Ведь как такое объяснишь диагнозами вроде шизофрении или маниакального расстройства? Никак. Здесь явно происходило что-то другое, что-то гораздо более загадочное.

Если дедуля в шляпе не врал и действительно собирался воплотить в реальность свои угрозы, если мои дни действительно были сочтены, я хотел потратить их с пользой и выяснить как можно больше. А этот Лассе – ябеда несчастный. Коль уж он сразу решил всё выкладывать моей маме, я прекрасно обойдусь без него. Мне поможет эта дочка Мартинов, Матильда, с ямочками на щеках и комплексом спасительницы.

Я потянулся за своими идиотскими костылями – или, как их официально называли, за своей «поддержкой», так меня научил Северин на одной из наших с ним первых встреч, – и встал на ноги. Как обычно, у меня закружилась голова, и пришлось подождать несколько секунд, пока стены перестанут мелькать у меня перед глазами и остановятся на своих местах. Лиц на деревьях, которые тоже мельтешили за окном, я решил не замечать.

– Я бы хотел посмотреть на этот склеп, о котором ты говорила, – сказал я. – Можешь отвезти меня туда на коляске?

– Что, прямо сейчас? – спросила Матильда.

– Да. Если у тебя, конечно, нет других планов: вроде молитвы, или церковного урока, или ещё чего-то благочестивого, чем ты там обычно занимаешься в свободное время.

Она вздохнула:

– Сегодня, как ни странно, ни на церковный урок, ни на молитву я не спешу. А курс «Святая вода для начинающих» начнётся только вечером.

«Поглядите-ка, и чувство юмора у неё имеется».

– Ну что ж, тогда поехали!

Я решительно проковылял мимо неё в коридор.

В реабилитационном центре папа с гордостью наснимал целую кучу роликов о том, как я снова учусь ходить, чтобы послать моим бабушке и дедушке, поэтому я прекрасно понимал, как неуклюже я при этом выгляжу. Да ещё в придачу полные сострадания взгляды окружающих. Может, именно от сострадания эта Мартинская дочка так широко распахнула глаза, но в её случае мне на это было наплевать.

Ясное дело, из кухни тут же прибежала мама, которая услышала, как мы спускаемся по лестнице.

– Один ты пока не сможешь! Не так быстро! Квинн!

– Мы с Мартин... Э-э-э... Матильдой немножко прогуляемся, – небрежно бросил я. – Можешь ей помочь перекатить коляску к входной двери?

Мама ошарашенно уставилась на меня. Да уж, мне удалось её здорово удивить. Я не смог сдержать улыбку. Конечно, она, как всегда, хотела как лучше, но эта её выходка с Мартинской дочкой у меня в комнате – это уж слишком. Я мог только догадываться, о чём она думает. Мама была уверена, что я не подпускаю к себе друзей, потому что стыжусь своей неуклюжей походки, шрамов на черепе и неуправляемых бегающих глаз. Она затащила в мою комнату

эту Мартинскую дочку, чтобы мне было на ком тренироваться, нашла человека, который мне абсолютно безразличен. С таким же успехом могла бы привести ко мне почтальона или разносчика пиццы.

– С коляской я уж как-нибудь справлюсь. – Умелым движением Матильда сняла кресло-коляску с тормоза и подкатила к входной двери. – Подножка нам на прогулке тоже понадобится, правда же? – Она наклонилась, чтобы приладить ту часть, которую мама спрятала в гардеробную, дабы освободить место в прихожей. Привычным движением она закрепила её на коляске.

– Вот как... – ещё более растерянным голосом произнесла мама.

Сегодня утром для такого же действия ей понадобилось гораздо больше времени. И всё это время она не переставала чертыхаться. Я тоже остался под впечатлением. У почтальона бы так ни за что не получилось.

Пока Матильда выкатывала коляску по ступенькам к выезду из гаража, я пытался снять свою куртку с вешалки, но, когда передвигаешься на этих идиотских костылях, ни одной свободной руки у тебя не остаётся. Мама вышла из оцепенения и помогла мне. Я снова почувствовал себя маленьким ребёнком. Ведь такие простые действия, как надеть куртку или застегнуть молнию, до сих пор давались мне с трудом.

– И куда же вы пойдёте? – поинтересовалась мама.

– Подышать свежим воздухом. Ведь каждый день – это праздник, подарок судьбы, – поспешно ответил я, прежде чем Мартинская дочка успела бы проболтаться о склепе, который меня так интересовал.

Но Матильда удивила меня ещё больше. Одновременно со мной она выпалила:

– На углу улицы открылся новый цветочный магазин. И везде так чудесно цветут подснежники.

«Вот-вот, чудесно».

Я проковылял вниз и уселся в кресло-коляску с таким видом, будто всю жизнь интересовался исключительно цветущими подснежниками.

– Что ж, тогда хорошей прогулки! До скорого, – нежно сказала мама, но меня было сложно провести. Она смотрела на меня точно так же, как много лет назад, первого сентября в первом классе, когда я хотел зайти в класс без неё. – Подышите свежим воздухом. А я тем временем вернусь к своей капусте. Если что, позвоните, телефоны у вас с собой?..

Улыбнувшись, она закрыла за нами дверь.

Матильда покатила меня к тротуару:

– Мне кажется, ей очень хотелось пойти с нами, как думаешь?

«Да уж, бедная мама. В последний раз, когда я вышел без неё из дома, история закончилась реанимацией».

– С тех пор как случилась та авария, ей стоит больших усилий оставить меня одного, – сказал я. – Лучше не будем рассказывать ей о кладбище и могилах. Она ещё больше начнёт тревожиться.

– Понятно.

Тем временем мы уже перебрались на тротуар и взяли курс на кладбищенские ворота, прижавшись к живой изгороди так, чтобы мама не могла нас увидеть из окна, если вдруг решит выглянуть из кухни на улицу. В еловой изгороди из иголок составились два лица, сначала они разглядывали друг друга, а потом меня. Я старался не обращать на них внимания.

Кто-то за моей спиной окликнул:

– Матильда?

Матильда пробормотала: «Чёрт возьми» – и ускорила шаг. Я попытался повернуть голову, насколько это было возможно в моей ситуации, и посмотреть назад. Там стояла какая-то кудрявая девчонка и изо всех сил размахивала руками:

– Матильда, это ты? Матильда-а-а!

– Слышишь, тебя зовут, – сказал я, – один из твоих двойников. («Просто кошмар, насколько они все похожи».)

– Это всего лишь моя двоюродная сестра Ябеда-Марихен.

– Какое милое церковное имечко.

– Да, в честь святой Ябеды, конечно.

Матильда на полном ходу въехала на кладбище и резко свернула направо на гравийную дорожку, которая шла вдоль нашего сада. Здесь находилась могила Германа Кранца. Я тут же забыл о двойниках Матильды.

– «Твои дни сочтены», – прочёл я вслух.

– Как по мне, довольно невежливо по отношению ко всем живым, писать на надгробной плите такое, – пропыхтела Матильда, задыхаясь от быстрой ходьбы, и мы тут же стремительно повернули налево на широкую аллею. Я чувствовал себя так, будто участвую в автогонках. – Вон на той могиле надпись ещё более оптимистичная: «Скоро обретёшь покой и ты». Почему бы не написать сразу: «Здесь могло быть твоё имя». Но кто знает? Может, это такой призыв к действию: «Не трать время по пустякам, наслаждайся жизнью, смерть найдёт тебя слишком рано, и моя история тому лучшее доказательство».

Она снова замедлила шаг, и моя коляска тут же перестала скрипеть и ходить ходуном, будто вот-вот развалится. Всё-таки она была не приспособлена для езды по пересечённой местности на высокой скорости.

У меня тоже голова шла кругом от такой поездки, но при этом я чувствовал себя отлично, словно пробудился после долгого сна. Может, всё дело в весеннем солнце, которое поднялось уже довольно высоко; его согревающие лучи проникали сквозь пока ещё безлистые ветки и наполняли аллею теплом и светом.

– Кажется, мы оторвались, – сказала Матильда.

– От Ябеды-Марихен? – довольно спросил я.

– Да, от неё и от этого мрачного типа, который весь день прохаживается по улице из стороны в сторону.

«Что?»

– Какого такого типа? – Я в панике обернулся.

– Ты что, не видел? Когда мы с тобой вышли, он стоял перед домом Гейгеров, пряча руки в карманы пальто. А когда я обернулась, он следовал за нами.

– Он был в шляпе? Как у стариков, которые выгуливают такс на поводках?

Матильда захихикала:

– Точно, в такой мерзкой коричневой шляпе в клеточку. Может, какой-то вор, выискивающий пустой дом для кражи. Или он уже стоит на стрёме, пока его подельник орудует в чьём-то доме. А может, это частный детектив. Или взломщик, который хочет казаться частным детективом.

«Или кое-кто похуже. Гораздо хуже».

Улыбка сползла с моего лица. Сейчас дедули в шляпе видно не было, но меня не отпускало чувство, что за нами кто-то следит. Кто-то с жёлтыми волчьими глазами. Значит, он никакая не галлюцинация, раз Матильда тоже его видела.

– Вот мы и пришли. – Она объехала лужу и остановилась посреди аллеи. – Смотри, это склеп семейства Кёниг.

На этом участке аллеи один за другим в ряд выстроились несколько склепов. Благодаря колоннам и аркам они напоминали маленькие греческие храмы, обветшавшие и поросшие мхом. Склеп Кёнигов немного выделялся из общего ряда. Он казался больше остальных, с сужающимися воротами из тёсаного камня и дверью посередине, которую обрамляли две колонны с каменным фронтоном, где была высечена фамилия Кёниг. Склеп украшали много-

численные рельефы, а наверху красовался ангел размером с ребёнка. Он прислонился к птице с женской головой. Массивные когти птицы крепко вцепились в парапет.

– Знакомьтесь. Та самая мрачнейшая женщина-птица. Выглядит почти так же, как на твоей картинке. – Матильда подкатила меня ещё чуть ближе. – Только волосы у неё тут гораздо красивее: изящная плетёная коса из камня и мха.

Я задрал голову и уставился на скульптуру. В моей памяти вдруг отчётливо всплыли высокие пронзительные крики, которые преследовали меня в ту ночь, пока я перепрыгивал с крыши одного гаража на крышу другого.

Меня захлестнула волна ярости: «Какие шансы, скажите на милость, у меня могли быть против такого зверя? Сейчас у дедули в шляпе и его монстра задача вообще упростилась – я даже не могу подняться со своей инвалидной коляски. И виноваты в этом они».

На каменном лице не дрогнул ни один мускул, сколько бы я ни сверлил его мрачным взглядом. Зато на другой могиле краем глаза я уловил какое-то движение и тут же резко повернул голову. Но это оказалась лишь ещё одна статуя в человеческий рост: мужчина в цилиндре, монокле и фраке из бронзы. Казалось, будто он поднял руку и постучал пальцем по полям цилиндра. Мужчина застыл в таком положении. Я вздохнул.

«Конечно, он застыл. Он же статуя. Мало мне того, что деревья и кусты строят мне рожи, а дедуля в шляпе рыскает где-то поблизости».

Я снова оглянулся. Но ничто не предвещало беды: за несколько метров от нас на скамейке сидел ещё один престарелый господин и читал газету, две женщины катили детские коляски, а под бронзовой статуей с цилиндром и моноклем прохаживался чёрный дрозд. Может, как раз движения этой птицы я уловил краем глаза. На плече скульптуры красовалось несколько белых пятен, очень напоминавших птичий помёт.

– Хочешь посмотреть на другие могилы? – спросила Матильда. – Могу показать классную смерть с косой и ангела, который выглядит прямо как А'нгела Мёркель.

Я снова поднял глаза на застывшую женщину-птицу, чувствуя, как мной овладевает горечь разочарования. В то же время я злился сам на себя.

«Чего я, собственно, ожидал? Что статуя оживёт и заговорит? Что кто-то оставит мне послание? Секундочку...»

Прямо под фамилией мелкими буквами была высечена ещё одна надпись. Я обнаружил её только сейчас.

«Может, это действительно послание для меня?»

– «*Dum tempus habemus operemur bonum*», – с трудом разобрал я. – Слушай, ты, случайно, не знаешь латынь, Марти... Матильда?

– Нет, не знаю, но смартфон нам поможет, – сказала Матильда.

– Это девиз семьи Кёниг. – Господин на скамейке, который прежде читал газету, встал и подошёл к нам. Он дружелюбно улыбался.

Вблизи он не казался таким уж старым. Наверное, это его борода, словно у Санта-Клауса, ввела меня в заблуждение. Не считая седой бороды и густых волос, никакого сходства с Сантой я больше не заметил. Мужчина был высоким и худощавым, одет в элегантное серое пальто, в руке он держал закрытый зонтик, который использовал в качестве трости. Его тонкое лицо с длинным крючковатым носом и тёмными глазами под густыми бровями почему-то показалось мне очень знакомым.

– Как чудесно видеть молодых людей, которые интересуются погребальным искусством. – Он указал кончиком зонтика на мелкие буквы. – Приблизительно это переводится так: «Давайте творить добро, пока не закончилось наше время».

– Цитат на каждый день у меня и дома достаточно, – разочарованно пробормотал я.

Господин повернулся ко мне:

– Но это достойный девиз, разве не так, Квинн? – с улыбкой спросил он. Я почувствовал, как моё тело покрылось гусиной кожей. – У фон Аренсбургов тоже есть семейный девиз?

Первое, что пришло мне в голову: «Бежать, и как можно скорее».

Но, во-первых, если бы я с черепашей скоростью покатился сейчас в своей коляске, это выглядело бы просто смешно, а во-вторых, я оказался на этом кладбище как раз для того, чтобы выяснить как можно больше.

«Как бы там ни было, я не дам этому Санте меня запугать. Подумаешь, он знает моё имя».

Я сел как можно ровнее в своей коляске и попытался выглядеть уверенно.

– Наш семейный девиз звучит так: «Никогда не ложись спать, не помирившись с семьёй, ешь много брокколи и не доверяй незнакомцам», – сказал я бодрым голосом. – Вы меня знаете?

«И кто вы, чёрт возьми, такой? Откуда вам известно, как меня зовут? Что вам от меня нужно?»

Складки от улыбки вокруг тёмных глаз стали ещё глубже:

– Ах, простите, так невежливо с моей стороны. Я профессор Кассиан, – сказал он и протянул мне руку. – Я знал твоего отца.

– Моего отца? – повторил я, механически пожимая руку странного господина. – Вы работаете с ним в одном издательстве?

– Я имею в виду твоего биологического отца, – сказал профессор Кассиан, – Юри Ватанабе.

» 6 «

Матильда

– Если речь о моём биологическом отце, то вы осведомлены лучше, чем я, – ответил Квинн. Его голос прозвучал подчёркнуто холодно.

– Да, увы. Это так грустно, – сказал профессор Кассиан. – Никто из нас не знал, что у него был... то есть, что у него остался ребёнок.

Несколько секунд Квинн молчал. А затем спросил:

– Кого вы имеете в виду, когда говорите «никто из нас»? Вы из команды этого в шляпе? Или синеволосой? Как всё это связано со мной и моим биологическим отцом?

«И что это за сумасшедший блокбастер, в котором я сейчас оказалась?» – подумала я в этот момент. Кажется, при этом я слишком шумно вздохнула, потому что взгляд профессора Кассиана рассеянно перескочил на меня, словно до этого он совершенно забыл о моём присутствии: о присутствии девочки, которая вцепилась в коляску и с изумлением вслушивается в каждое слово. Наверное, ещё и открыв при этом рот. Но профессор тут же взял себя в руки и снова любезно улыбнулся:

– Давай-ка лучше обсудим эти подробности в другой раз, в более спокойной обстановке. Может, за чашечкой ароматного чая, когда никто никуда не будет спешить. К сожалению, мне пора, срочные дела. Прошу меня извинить. – Элегантным движением он перебросил зонтик из одной руки в другую. – Большая честь познакомиться с тобой лично, юный Квинн, а также с твоей очаровательной спутницей. – При этом он так обворожительно мне подмигнул, что я еле сдержалась, чтобы не подмигнуть в ответ. – Да, кстати, «этого в шляпе», как ты его называешь, пока бояться не стоит. Гектор просто слишком рьяно исполняет поручения.

– Именно поэтому я просто сижу сейчас в инвалидной коляске. – Голос Квинна стал ещё холоднее.

Господин изобразил на лице сострадание и снова переложил зонтик из одной руки в другую:

– Это всего лишь... Что ж, нам действительно многое нужно обсудить. С нетерпением жду нашей следующей встречи! – Он обернулся, давая понять, что разговор закончен.

– Где состоится эта следующая встреча? – крикнул ему вслед Квинн. – И когда? Я же вас совсем не знаю.

«Да, согласна. Может, профессор Кассиан – это его настоящее имя. Звучит как псевдоним».

На самом деле и сам этот господин выглядел как вымышленный персонаж, с низким, нежным голосом, ухоженной бородой и густыми, зачёсанными назад волосами. Старомодный зонт с серебряной рукояткой вполне мог сойти за реквизит из спектакля про Мэри Поппинс.

«И зачем ему в такую солнечную погоду понадобился зонт?»

Профессор Кассиан снова остановился и похлопал свободной рукой по карману пальто:

– Я бы оставил тебе визитку, но, боюсь, только что отдал последнюю карточку. Тебе не о чем переживать, мы-то ведь знаем, где тебя искать. – Квинн пробормотал что-то неразборчивое сквозь плотно сжатые губы. – Если у вас есть время, загляните в новый цветочный магазин на углу. – Профессор взмахнул зонтом на прощание. – Спросите Ангелику и передайте от меня привет. До встречи! – и строго добавил: – Прощай и не унывай, Клавиго!

Быстрым шагом господин свернул на ближайшую тропинку и скрылся за деревьями.

– Это просто... дикость какая-то, – вырвалось у меня, а Квинн, не дав мне договорить, спросил:

– Кто такой Клавиго?

Хотя бы на это у меня нашёлся ответ. Я указала на бронзовую статую в сюртуке и цилиндре, возвышающуюся на соседней могиле:

– Это Клавиго. Клавиго Берг, народный поэт, умер в тысяча восемьсот девяносто девятом году.

Я была так хорошо осведомлена, потому что только этим летом начищала табличку на плите щёткой и порошком до тех пор, пока наконец снова не показалась надпись. Всё это в рамках инициативы дяди Томаса по приведению нашего кладбища в порядок. Работа, конечно, довольно скучная, но, когда видишь её плоды, это не может не радовать.

Квинн уставился на скульптуру. У Клавиго Берга был такой вид, будто он вот-вот начнёт декламировать стихи. Голова немного склонилась вбок, рот приоткрыт, рука на талии, кисть другой руки застыла в драматическом жесте рядом с отворотом сюртука.

– «Прощай и не унывай», – пробормотал Квинн. – Могу поклясться, что его рука ещё несколько минут назад была на шляпе.

– Нет, он всегда в таком положении, – заверила его я. – При жизни он был жутким задавакой. Приказал после смерти написать на могиле: «Ты будешь жить вечно в своих произведениях». Хотя, может, так распорядилась его гордая мамаша. К сожалению, в интернете нет даже его имени, не говоря уже о стихах. Хотя, может, если бы он не умер в тридцать два года, у него было бы время написать несколько хороших стихотворений, кто знает? Как бы там ни было, эта скульптура внесена в список культурного наследия и охраняется государством. Не из-за самого поэта, а, скорее, из-за скульптора, который...

– Пошли в цветочную лавку, – перебил меня Квинн.

– Ладно.

Я развернула коляску, в душе отчитывая себя за безудержный поток болтовни, с которым не совладала от волнения. Ведь надо было выяснить столько всего гораздо более важного. Несколько шагов я молчала, чтобы осознать, что же только что произошло и как мне себя вести, но очень скоро бросила эти попытки и перестала сдерживаться. Вопросы посыпались один за другим:

– «Этот в шляпе» – речь о дедуле в клетчатой шляпе? Как он связан с твоим несчастным случаем? Кто такая синеволодая? Твоего биологического отца действительно зовут Юри Ватанабе? Откуда профессор Кассиан знает тебя, если ты его никогда не видел? Почему он разговаривает с бронзовой статуей?

– Откуда он знал, что сможет меня здесь найти? – Квинн воспользовался тем, что я решила перевести дух, и принял эстафету. – Что он вообще делал на этом кладбище, если, как он выразился, его ждали «срочные дела»? И что он имел в виду, когда говорил, что дедулю в шляпе нам «пока бояться не стоит»?

Ни одного ответа я не получила, но слово «нам» меня очень порадовало.

– Может, всё дело в наследстве? – поспешно предположила я. – А профессор-тросточка, например, юрист, который занимается завещанием твоего отца. «Никто из нас не знал, что у него остался ребёнок». Возможно, это значит, что на это наследство было много претендентов, но теперь, конечно, его никто не получит, кроме тебя.

– Гм, – промычал Квинн.

– Может, ты теперь будущий обладатель какого-нибудь замка, или фирмы, или известной беговой лошади, или исчезнувших дневников Леонардо да Винчи, или волшебной музыкальной шкатулки... – Я запнулась, успев замаскировать хотя бы магическую шкатулку наиграным приступом кашля.

«Кажется, я начиталась слишком много фантастики».

Квинн некоторое время молчал, а затем тихо произнёс:

– Я никогда не видел моего... Юри Ватанабе, потому что он погиб в аварии ещё до того, как мама узнала, что ждёт ребёнка. – Квинн поднял руку, чтобы привычным движением, как

всегда в своей небрежной манере, смахнуть со лба волосы. Я видела, как его рука на секунду замерла, коснувшись короткого ёжика на голове, словно на какой-то момент Квинн забыл о бритом черепе и шрамах. – Она ничего мне толком о нём не рассказывала, потому что сама познакомилась с ним всего за пару недель до его смерти. Честно говоря, я никогда особо и не расспрашивал. Может, в этом моя ошибка.

Мы обогнали двух старушек, которые прогуливались под ручку по главной аллее.

– А как насчёт бабушки и дедушки, его родителей? – спросила я, толкая коляску через калитку кладбища на тротуар, и пугливо оглянулась на наш дом. («Как бы пройти мимо него и остаться незамеченными».)

Квинн покачал головой:

– Перед тем как я родился, мама пыталась что-то о них выяснить, ну вдруг я однажды захочу с ними познакомиться. Она искала хоть какую-то информацию о моих японских корнях. Но родители моего отца уже умерли, а других родственников не осталось, кажется. Или... надо будет ещё раз её спросить, в прошлые разы я не очень внимательно слушал.

– Может, она знает этого профессора.

– Да, возможно. О, ты снова летишь как ракета. Из-за Ябеды-Марихен?

Я вовсе не летела, просто немного ускорила шаг. Чем быстрее мы пройдем мимо домов под номерами 14 и 16, тем выше наши шансы проскочить незамеченными и избежать лишних тягостных расспросов. Но такая удача нам, конечно же, не улыбнулась. Как раз в этот момент Леопольд возвращался домой с урока игры на гобое. Заметив нас, он подъехал к тротуару и остановился прямо перед нами. На долю секунды в моей голове промелькнула мысль, что надо бы просто оттолкнуть его в сторону и продолжить путь. Я как раз набрала нужный темп.

Но Квинн наблюдал за происходящим из своей коляски, и мне пришлось остановиться.

Кудрявые локоны Леопольда выбились из-под велосипедного шлема и торчали в разные стороны, лицо покраснело от напряжения. В общем, выглядел он не очень-то привлекательно.

– Привет, Квинн, – сказал он, отделяя паузой каждое слово. – Как замечательно, что ты снова дома. Получил открытку от ребят из нашего кружка по биологии? – Квинн молчал, и Леопольд продолжил говорить, повысив голос: – По би-о-ло-ги-и! Перед аварией, которая с тобой произошла, мы вместе ходили в этот кружок. Наша учительница, госпожа Шлютер, передавала тебе наилучшие пожелания.

Я не видела выражения лица Квинна, ведь я стояла за его спиной, но он по-прежнему молчал. Наверное, мой двоюродный брат ошарашил его своей напористостью. Кажется, Леопольд тоже это заметил. Его речь стала ещё медленнее, теперь он делал акцент почти на каждом слове:

– Шко-ла! Помнишь, что такое школа? Туда ходят, чтобы у-чить-ся. Я... – Тут он потыкал себя в грудь указательным пальцем. – Я Леопольд. Я жи-ву вон в том до-ме. Я...

– К сожалению, полный идиот, – перебила я Леопольда, передразнивая его нравоучительный тон. – Я преграждаю людям путь и раз-го-ва-ри-ваю с ними как с ма-лень-ки-ми детьми.

Леопольд надулся от обиды:

– Я просто хотел казаться дружелюбным. Люди с ограниченными возможностями часто остаются без внимания, потому что обычному человеку легче делать вид, что их не существует. Квинн наверняка благодарен мне за то, что я обращаю на него внимание и разговариваю с ним так, словно он продолжает быть одним из нас.

– Да, я очень тронут, до слёз, – сказал Квинн. – Ещё более прекрасным жестом с твоей стороны будет убрать с дороги себя и свой велосипед и...

– И дать нам проехать, – дополнила я и, не дожидаясь реакции Леопольда, спустила кресло-коляску на проезжую часть между двумя припаркованными машинами, чтобы объехать препятствие.

– Куда вы направляетесь? – крикнул нам вслед Леопольд.

Квинн тихо застонал.

– Мне очень жаль, – сказала я, покраснев от стыда. – Когда он возвращается с урока игры на гобое, всегда становится каким-то особенно странным. Может, что-то в голове переклинивает. Мне остаётся лишь извиниться перед тобой за него. Слово «стыдветственность», смеси стыда и ответственности, не существует, но оно очень точно описывает, что я сейчас чувствую.

– Что ты можешь сделать, если твой брат такой придурок. – Кажется, Квинн захихикал, и у меня тут же отлегло от сердца. – Бедняга, наверное, поверил слухам о том, что мне удалили лобные доли.

– Он мой двоюродный брат, – уточнила я.

– Какая разница. У него есть все основания вести себя со мной самым мерзким образом. Когда-то мы с Лассе привязали его к стулу в школьной столовой, взяли кабель и протянули через ремень его штанов. Он заметил это только тогда, когда захотел встать. – Квинн снова захихикал.

– Нет, большая разница! – настаивала я. – Леопольд вовсе не мой родной брат, он брат Луизы, которая в параллельном с тобой классе. Они близнецы. И кстати, они учились с тобой в одном классе в младшей школе. Как ты их раньше не видел? Да уж, какая разница, кого толкать в куст крапивы.

Тем временем мы подошли к новой цветочной лавке. Я маневрировала в море жёлтых нарциссов, которые ряд за рядом заполняли тротуар.

Между этими рядами прохаживались две вороны. Они поднялись в воздух, как только мы подошли ближе.

– Конечно же я знаю, кто такая Луиза, – стал оправдываться Квинн. – Это та самая, с ямочками на щеках, которая всегда собирает деньги на подарки учителям и уже в десятом классе создала группу по планированию выпускного вечера. Когда мы ездили куда-нибудь всем классом, она всегда сдавала учителям тех, кто не успевал вернуться в свою комнату до десяти вечера. А ещё, когда мы были совсем маленькими, она почувствовала себя такой важной персоной, что как-то раз стёрла нашу с Лассе беговую дорожку, которую мы расчертили прямо здесь, на улице. Мы с Лассе тогда посадили её в пустой мусорный бак. – Квинн снова захихикал.

Я как-то совершенно забыла об этом случае с мусорным баком. Но сейчас он всплыл перед глазами, словно это случилось вчера.

– Ничего ты не знаешь, – возмущённо сказала я. – Это меня вы тогда посадили в мусорку. Теперь понимаешь, о чём я говорю!

– Так это ты постоянно смывала нашу беговую дорожку? Очень некруто с твоей стороны, Мар... э...

– Да нет же, ты идиот! Это была Луиза! – крикнула я. – Но в мусорный бак вы посадили меня!

Я словно снова вернулась в этот день, когда мне было семь лет, и чувствовала, что вот-вот лопну от злости. Я провела в этом мусорном баке совсем недолго, секунд, наверное, тридцать, но запах там был отвратительный.

– Ой, какая жалость, – беспечно сказал Квинн. Он по-прежнему пребывал в отличном настроении. – Ну почему вы все такие одинаковые?

Я только хотела что-то ответить, воскресив обиду семилетней девочки, и топнуть ногой для убедительности, но тут вдруг увидела мужчину в клетчатой шляпе. Он стоял в паре домов от нас и явно следил именно за нами. Я поспешно завезла Квинна в магазин. Пока мы препирались, словно маленькие дети, я забыла обо всём на свете.

– Этот, в шляпе, – прошептала я под звон колокольчиков, которые украшали входную дверь, – на том конце улицы, у киоска. Кажется, он нас видел.

– Ладно, – сквозь зубы процедил Квинн, оправившись от этой новости.

– Что значит «ладно»? – прошептала я в ответ.

Приторный запах цветов разливался по всему помещению. Магазин был заставлен растениями в горшках и вёдрами со свежесрезанными цветами. По узкой свободной дорожке я подвезла кресло-коляску к нежно-голубому прилавку. Ещё одна покупательница с огромным букетом в одной руке и объёмным бумажным пакетом в другой протиснулась мимо нас и, радостно улыбаясь, выскочила из лавки.

Я удивлённо озиралась по сторонам. Даже с потолка здесь свисали корзины с растениями, среди миниатюрных моделей воздушных шаров и цеппелинов мерцали звёзды, маленькие облака, искусно вырезанные фигурки животных, эльфы с блестящими крыльями. Множество зеркал и кристаллов всевозможных форм и размеров расцвечивали радужным светом даже самые дальние уголки магазина. Потолок был выкрашен в тёмно-синий и усыпан золотыми звёздами. Полки на стенах скрывались под невероятным количеством листьев, цветов и всевозможных безделушек.

Этот интерьер был таким удивительным, что на секунду я забыла обо всём на свете.

– Ого, тебе не кажется, что это самый-пресамый удивительный китч, который только существует на этой планете? – Я поставила коляску на тормоз и в восторге поплыла мимо полок. Здесь стояли, висели и лежали кашпо, вазы, птицы, домики улиток, снежные шары, пресс-папье для бумаг, настольные часы, коробочки и коробочки, всё в пастельных тонах, разрисованное цветами и листьями.

– Здравствуйте, добро пожаловать в наш магазин «Ландыш и незабудка». – Женщина чуть не выпала из-за прилавка, излучая гостеприимство. Всё в ней было одновременно изящным и пышным: длинные рыжие кудри, декольте, бёдра, блестящая вышивка на бархатном платье, разноцветные татуировки на руках и даже голос. – Я Фея, и это мой магазин. Чем могу помочь?

Квинн молча вперился в её татуировки, поэтому отвечать пришлось мне:

– Мы... Э-э-э... («Ненадолго прячемся здесь от дедули в шляпе...») Просто хотели бы посмотреть, если можно. Здесь так удивительно прекрасно!

– Спасибо. Всегда вам рада, – сказала Фея, и её слова прозвучали очень искренне.

Я потянулась к маленькому единорогу из меха в цветочек, который свисал с потолка прямо над моей головой. Это была такая тонкая работа, можно было рассмотреть каждую ресничку на его мордочке. Единорог улыбался. Мне сразу захотелось его купить.

– Правда же он настоящий милашка? – Накачанный парень вынырнул откуда-то из рядов вёдер с розовыми тюльпанами и остановился напротив меня так, что единорог теперь висел ровно посередине между нашими лицами. Надпись на его обтягивающей футболке гласила: «Цветы расцветают, потому что в них верят». – На самом деле никаких улыбчивых единорогов в цветочек не существует, – доверительно сказал он. – Настоящие единороги сошли бы с ума, запусти их в эту лавку. У автора, если можно так выразиться, неплохое чувство юмора.

Фея рассмеялась:

– Это точно.

– Автор, кстати, я и есть. – Парень коротко поклонился. – Тим Тюльпан. Нет, погодите, «тюльпан» рифмуется с «баран». Или «банан». Нет уж. Что скажешь насчёт имени Лео? Или Бен?

– М-м-м... – промычала я и оглянулась в поисках Квинна, который по-прежнему молча сидел в своей коляске. По выражению его лица сложно было понять, о чём он думал, только часто-часто моргал, словно всё это изобилие странных вещей и эти двое перегрузили его впечатлениями настолько, что он не мог определиться, на что смотреть.

– Сынок, что ты опять придумал, зачем тебе ещё одно новое имя? – Фея грациозно выплыла из-за прилавка и пригладила платье. Сложно было определить, сколько ей лет: она вполне могла сойти за сестру этого парня. – Гиацинт – отличное имя, оно тебе идеально подходит.

– Вот уж нет, – возразил парень. – Гиацинт – это так старомодно. Может, тысячу двести лет назад такое имя ещё и сгодилося бы, но уж точно не сейчас. Да и мне оно совсем не подходит. Что скажете? – Он с вызовом повернулся к нам.

– Ну... Мне это имя кажется очень... романтичным, – смущённо пробормотала я, – и необычным.

Квинн продолжал молчать.

– Романтичным и необычным... Очень мило с твоей стороны. – Гиацинт улыбнулся. – А тебя-то как зовут?

– Матильда. – Я обернулась и указала на своего спутника. – А это Квинн. Мы живём здесь поблизости, возле старого кладбища.

– А вы что, влюблённая парочка? – спросила Фея, переводя любопытный взгляд с меня на Квинна и обратно.

– М-м-м... – Я почувствовала, что краснею, и снова поглядела на Квинна. Но тот упрямо продолжал хранить молчание. По крайней мере, перестал мигать. – Мы... соседи, – сказала я. Левая бровь Квинна чуть приподнялась, но, кроме этого, в выражении его лица ничего не поменялось. – Мы учимся в одной школе, Квинн на класс старше.

– Да что ты, – протянула Фея, будто я только что поведала ей нечто невероятно увлекательное, а Гиацинт продолжал мне улыбаться.

Я не смогла сдержаться и улыбнулась в ответ. Эти двое оказались такими симпатиями, самыми удивительными людьми, которых я когда-либо встречала.

– Мы пришли, чтобы передать вам привет от профессора Кассиана, – неожиданно для всех произнёс Квинн. – И увидеть Ангелику. Она здесь работает?

– Ох... – Гиацинт и Фея переглянулись. – Ты встречался с Кассианом? Что он ещё сказал?

– Ничего особенного. Только упомянул, что знал моего отца, Юри Ватанабе.

– Правда? – Они снова переглянулись. Гиацинт что-то пробормотал на непонятном языке. – Ну и дела, – удивилась Фея.

Гиацинт пожал плечами.

– Вы тоже были знакомы с отцом Квинна? – спросила я, а Квинн снова погрузился в молчание.

– Нет, – решительно ответила Фея. – Мы его не знали.

– А где вы видели Касс?.. – начал было Гиацинт, но тут зазвонил колокольчик, и в лавку вошёл ещё один покупатель.

– Что здесь происходит? – Его металлический, холодный голос эхом разнёсся по магазину.

Перед нами стоял мужчина в клетчатой шляпе.

» 7 « Квинн

«Мужчина в шляпе!»

Я предполагал, что он всё же войдёт, и тем не менее этот знакомый голос заставил меня вздрогнуть, по спине тут же забегали мурашки. В довершение к этому, грациозный морской конёк, вытатуированный на коже Феи, сжался и задрожал. Но сама Фея ни на секунду не потеряла самообладания.

– Вот и я задаю себе тот же самый вопрос, Гектор, – пылко вступила она после короткого нервного вдоха. Все маленькие лица, выглядывающие из-за листьев, на которые я изо всех сил старался не обращать внимания, в один момент куда-то исчезли, лишь изредка между цветов то тут, то там поблёскивала пара чьих-то глаз. – Только не думай, будто мы не обратили внимания, что ты с самого утра тут ошиваешься.

– Я-то считал, что у тебя есть дела поважнее, – поддержал мать Гиацинт и оперся на прилавок.

– Я всего лишь должен удостовериться, что всё идёт по намеченному плану, – визгливо произнёс Гектор и в упор поглядел на меня. Вернее, пронзил меня холодным взглядом. – Вот вам и лежачий больной! Да этот парень в отличной форме.

– В отличной форме? – с удивлением переспросила Фея. – Бедный мальчик сидит в инвалидной коляске. Постыдился бы.

«Да, кстати, дедуля, неплохо было бы тебе постыдиться».

Но последнее замечание Феи Гектор пропустил мимо ушей.

– Что, правда? – насмешливо поинтересовался он, не переставая сверлить меня взглядом.

Его глаза по-прежнему отливали желтизной, но они уже не блестели так отчётливо, как ночью. Если не всматриваться, они даже могли сойти за глаза нормального человека. Я бы охотно спрятался среди листьев и цветов, как пугливые лица вокруг, но такого удовольствия я ему доставить не мог. Поэтому изо всех сил старался дышать спокойно, будто не происходило ничего необычного, и выдержать взгляд этих волчьих глаз не мигая.

– Почему-то мне вспоминается сейчас легендарный Ивар Приобретатель, – проскрипел Гектор.

– Кто такой Ивар Приобретатель? – спросил Гиацинт.

«Отличный вопрос».

– Ещё один бедный юноша, которому твоя мать очень сочувствовала, – охотно пояснил Гектор. – Из милого юноши он превратился в настоящего серийного убийцу. Думаю, многие были бы благодарны, если бы я сорвал тогда первую конспиративную сходку. Точно такую же, как эта.

Фея закатила глаза:

– Конспиративную сходку! Очнись, Гектор! Это цветочный магазин. Если ты ничего не хочешь купить, прошу его покинуть. Распугаешь мне всех клиентов своей глупой болтовнёй!

– Уже ухожу. – Гектор противно улыбнулся и рванул на себя ручку двери. Снова раздался звон колокольчика. – Я ведь всего лишь исполняю свои обязанности. С улицы мне показалось, что здесь происходит полнейшее нарушение второй директивы.

– Знаешь что? На самом деле говорить о второй директиве – это и есть полнейшее нарушение второй директивы! – набросилась на него Фея, при этом бегло взглянув на меня.

– А эта мерзкая шляпа – полнейшее нарушение двадцать третьей директивы, – пробормотал Гиацинт.

– Никакой двадцать третьей директивы не существует, – сказал Гектор.

– Значит, надо срочно её издать, – Гиацинт брезгливо поморщился, – чтобы оградить человечество от этого зрелища. И где, скажи на милость, ты прикупил это пальто эксгибициониста девяностых годов?

– Кажется, ты забыл, с кем разговариваешь, юноша, – прорычал Гектор. – Я по-прежнему Гектор, главный на...

– А вот теперь точно хватит болтать! – выкрикнула Фея. – Сию же секунду убирайся из моей лавки, Гектор. Я подам на тебя жалобу, чтобы впредь ты держался отсюда подальше.

– Можно подумать, что тебе это под силу! – Гектор презрительно хмыкнул. – Я тоже подам жалобу, – сказал он и снова обратился на меня полный ненависти взгляд. Затем повернулся на каблуках, поднял воротник пальто и вышел на улицу.

– Нам срочно нужно повесить табличку: «С собаками не входить», – пробормотал Гиацинт.

Как только дверь за Гектором захлопнулась, я облегчённо вздохнул. На самом деле у меня накопилось к нему немало вопросов. Но сейчас все мои силы ушли на то, чтобы не стучать зубами от страха и твёрдо смотреть ему в глаза. Я с такой силой прикусил нижнюю губу, что почувствовал во рту привкус крови.

– О чём же речь в этой второй директиве? – спросила Матильда, и все развернулись к ней.

Дедуля в шляпе провёл в лавке не больше трёх минут, но за это время я успел совершенно забыть о её существовании. А она как ни в чём не бывало стояла здесь под одним из блестящих полумесяцев, скрестив руки на груди. Щёки её покраснели. Девочка тяжело дышала, словно до этого сдерживала воздух и только сейчас позволила себе выдохнуть.

– Вы что, члены какого-то тайного общества? Почему этот Гектор так злится на Квинна? Кто этот серийный убийца, о котором он говорил?

Это были не самые первые вопросы, которые вертелись у меня на языке, но для начала совсем неплохо. Несколько следующих секунд прошли в полнейшем молчании, потом Матильда напористо продолжила:

– Сколько стоит этот единорог?

Фея улыбнулась Матильде:

– Ах, дорогая моя, вот как раз для таких невинных созданий, как ты, и существует вторая директива. Чтобы ты не мучила себя такими вопросами. Разве поможет, если я сейчас скажу, что Гектора никак нельзя воспринимать всерьёз? Он совершенно... отстал от жизни.

– Вы имеете в виду, что он не совсем норм... э-э-э... человек, у которого трудности с пониманием? – недоверчиво спросила Матильда и опустила руки, оставив свою защитную позицию.

– Абсолютно точно. Навечно застрял в прошлом, – объяснила Фея. – Но жалеть его не нужно. Главная его черта – человеконенавистничество.

– Кому бы ещё пришло в голову выйти из дома в такой шляпе? – Гиацинт рассмеялся, и на щеках Матильды показались ямочки. – Думаю, малышка Матильда, он тебя даже не заметил. Если бы ты превратилась в цветок, это наверняка была бы незабудка. Их так часто не замечают.

Матильда засияла, как новая монета. Гиацинт, кажется, отлично понимал, как ей польстить. Наверное, чтобы отвлечь от расспросов о директивах и серийных убийцах. И это сработало.

– Нежная и скромная, почти всегда остаётся в тени, – продолжал он. – Надёжная, не требует особого ухода, зелёная...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.